

Владимир ЦАРИЦЫН

ЕГО ТУРЕЦКИЙ РОМАН

Повесть

Эгейское море оказалось синим.
Неожиданно синим, как глаза Станиславы.

Синий, как, впрочем, и все другие цвета, имеет множество оттенков, но этот синий был особенным; Пругов не ожидал увидеть такой. С берега – с пляжа – море было ярко-голубым и почти сливалось на горизонте с небом. Нужно было взглядеться, чтобы определить границу. Пругов естественно знал, что цвет морской воды зависит от многих причин: от состава и количества растворенных в ней солей, от глубины, от яркости освещения, от положения солнца на небе, от наличия водорослей и от многого другого. Знал, и все-таки такой насыщенный синий его удивил. И почему-то порадовал.

Ему приходилось видеть моря. Он был на Черном, на Средиземном, на Адриатическом, на Атлантике, жил два с лишнем года на берегу Тихого океана. Все эти моря и океаны были разными, одна вода не похожа на другую, но Эгейское море было особенным. Нельзя сказать, что оно было чем-то лучше или хуже виденных им раньше – оно было другим. И особенным.

Пругову понравилось Эгейское море.

Станислава... Почему он вспомнил о Станиславе? С чего это вдруг? Двадцать лет не вспоминал. Ну... почти не вспоминал, а тут – на тебе! Нет. Скорей всего, это самая обыкновенная ассоциация, спонтанно возникшая в сознании писателя. Кем и являлся Пругов. Отметил необычный цвет морской глади и возник образ. Море синее, как глаза женщины, которую когда-то любил. Глаза цвета моря...

Он прислушался к себе, к звукам своей души. Нет. Тихо. Нет никаких звуков. Душа молчит. Тот ураган двадцатилетней давности уже давно сменился полным штилем. Все, что должно было утонуть, утонуло. Нырять в пучину воспоминаний не было никакого желания. Глупо. Глупо и скучно.

Ассоциация...

Море Пругову понравилось, а приближающийся берег нет.

Мужчина стоял на палубе прогулочной яхты и курил. Яхта входила в бухту. Две гряды серых мокрых валунов раскрытыми крабовыми клешнями хищ-

но расходились в стороны от краев бухты, словно бы заманивая яхту в ловушку. Берег был желтый. Не приветливый солнечно-желтый, не зовущий золотистый, а мрачный, грязно-желтый. Местами почти коричневый, местами серый, местами тускло-оранжевый, ржавый. А вместе – грязно-желтый. Верхушки скал поросли темными соснами, а внизу – у береговой линии – в ряд выстроились черные гроты одинаковой высоты и ширины, словно искусственно выбитые в скале. Цепочка черных гротов вызывала ассоциацию с оскалом редкозубого рта. Утро было хмурым; первое хмурое утро в солнечной Турции. У Пругова испортилось настроение.

«Зря я поехал именно сегодня, – подумал он. – Лучше бы в турецкую баню еще раз ходил»

Подумал, хотя сегодняшняя прогулка на яхте входила в составленный им лично план, и перенести ее он не мог. Экскурсии Пругов запланировал и оплатил в первый день своего проживания в отеле; отменить или перенести их возможность предусматривалась, но делать это надо было заранее. Но кто же ожидал, что именно сегодня солнце решит отдохнуть?

В принципе, можно было просто не поехать. Черт с ними, с двадцатью баксами, – невелики деньги!

Пругов щелчком выбросил окурок за борт.

– Андрей Олегович, не угостите даму спичкой?

Андрей Олегович? Странно. Он здесь, конечно, не инкогнито, но и не знакомился ни с кем, не назывался.

Пругов повернулся к незнакомке, знающей откуда-то его имя и отчество. И обомлел: перед ним стояла Стася. Его бывшая жена, но такая, какой она была двадцать лет назад. Помолодевшая Станислава или ее клон.

– Стася?.. – Зажигалка, которую мужчина держал в руке, выпала и, отскочив от железной палубы, канула в синей эгейской волне.

– Что? – непонимающе спросила незнакомка, проследив взглядом за полетом зажигалки.

Нет, конечно же, это не Стася. Другая, совсем другая. Другой голос, немного другой цвет волос. Рост отличается (эта пониже будет), и немного другие черты лица. И возраст. Станиславе

сейчас уже полтинник, а этой дамочке лет тридцать от силы. Но глаза!.. Господи, они такие же синие, как у Стаси. И еще что-то присутствует в облике, что-то неуловимое, но определяющее. Наверное, один и тот же тип – славянский. Восточно-европейский...

– Вы что-то сказали, я не расслышала.

– Я сказал: простите, но спички у меня, увы, больше нет, – Пругов уже собрался. – Точнее, зажигалки. А откуда вы знаете, как меня зовут? Наверное, на ресепшене случайно услышали, когда я оформлялся? Так значит, мы с вами живем в одном отеле, не видел вас там.

Незнакомка с глазами цвета Эгейского моря покачала головой.

– Нет. Я приехала на пристань на другом долмуши и совсем с другой стороны. А по трапу на яхту вы поднимались следом за мной.

– Я вас не заметил.

– Мне кажется, что вы вообще ничего и ничего не замечаете вокруг себя.

– С чего вы взяли?

– А вы всю дорогу стоите, смотрите на воду и курите. Одну за другой, одну за другой. Это, кстати, которая по счету? – женщина показала на воду, и Пругов понял, что она имеет в виду сигарету, окурок которой он только что пулнул за борт. Писателю стало жутко стыдно за свой поступок – специальное корабельное ведро под мусор на палубе имеется, да не одно, а он, как какой-то мужлан некультурный... Фу, как некрасиво!

– Не считал, – фыркнул он и понял, что получилось несколько грубовато. – Но вы не ответили на мой вопрос, – напомнил.

– Откуда я знаю ваше имя? Ха!

Услышь Пругов подобный, не входящий в список условно-разрешённых смешок от какой-то другой женщины, он наверняка тут же потерял бы к ней всякий интерес, но в исполнении синглазой незнакомки это «ха» прозвучало как-то естественно и даже мило.

– Все очень просто, – продолжала она. – Знаете, я ужасная домоседка. Другие шопингом занимаются, по косметическим салонам слоняются и по другим... значным местам. А я большую часть своего времени посвящаю чтению книг.

– А, – догадавшись, начал Пругов, – так вы...

– Вот именно, – бесцеремонно перебила его собеседница: с тактом у неё существовали явные проблемы. – Я читала ваши книги. Ваши детективы. На задней обложке почти всегда есть фотография. У вас очень запоминающееся лицо, Андрей Олегович. Ведь вы – Андрей Костров?

Пругов, улыбнувшись, кивнул. Получилось резко, по-гусарски, и он так же по-гусарски представился:

– Писатель Андрей Костров, к вашим услугам.

Незнакомка вдруг рассмеялась:

– Вообще-то нетрудно догадаться, что вы – писатель.

– Почему? Разве писатели как-то по-особенному выглядят? У меня, например, нет ни бороды, ни трубки, как у Хемингуэя.

– Вы постоянно о чем-то думаете. Наверное, придумываете очередной криминальный сюжет? Я угадала?

Пругов хмыкнул и спросил:

– Вы поклонница детективов?

– Скажем так: я не считаю детективы второсортной литературой. Но читаю я не все детективы подряд. Например, Дарью Донцову я не читаю совсем. Не прочитала ни одной ее книги. Пробовала, но не смогла. Она неправду пишет. И по телевизору я сериал про эту, как ее? Про Дашу... не помню фамилию.

– Васильеву, – подсказал Пругов.

– Да, точно, Васильеву. Так вот, смотрела сериал. Вернее, пробовала смотреть, тоже не смогла. Да ну, ерунда какая-то! Не может женщина быть такой самостоятельной и такой... успешной. Все у нее здорово – и внешность классная, и мозги работают как компьютер, и денег у нее полно, и поклонников – пруд пруди. Я героиню Донцовой имею в виду... Ой, простите! Я вот так критикую Дарью Донцову, ну... ее творчество в смысле, а вы, может быть, с ней хорошо знакомы и очень цените ее романы.

Пругов улыбнулся и ответил, покачивая головой:

– Нет, я не знаком с Дарьей Аркадьевой.

От высказываний в адрес романов Донцовой и вообще о своем отношении к популярному ныне жанру иронического детектива, в коем так преуспели

женщины-писательницы, Пругов решил воздержаться. Он внимательно посмотрел на женщину и подумал: «Нет, это не Стася. Это совсем не Стася. Слишком непосредственна. И мила в своей непосредственности, как ребенок, который, не понимая условностей жизни, говорит, что думает. Притворство? Не похоже. Хотя... А внешне она тоже мила. Очень даже. Не красавица, нет. Черты лица... не конкретные, что ли, слишком мягкие. И вся она кажется мягкой. А на носу веснушки! Сейчас они почти незаметны под загаром, а весной наверняка яркие. Веснушка...»

– А вот вас я прочла всего, – безапелляционно заявила она.

«Смелое утверждение, – мысленно усмехнулся Пругов. – И довольно смешное. Нет, эта женщина мне определенно нравится. Почему? Потому что похожа на Станиславу? Нет, скорее, наоборот – она нравится мне потому, что на Станиславу совершенно не похожа. При внешнем сходстве – полная противоположность в характере и в интеллекте. Да и внешнее-то сходство, если повнимательней приглядеться, весьма сомнительно. Только цвет глаз... Наверное, с этой дамочкой будет легко завести кратковременный курортный роман, приятно провести оставшееся время и совершенно безболезненно расстаться, когда этот роман себя исчерпает. И думаю, это будет легко для нас обоих. Посмотрим...»

Яхта вошла в бухту и встала на якорь метрах в сорока от берега. Матросы стали спускать шлюпки на воду.

– Подождите минуту, – сказал Пругов. – Я сейчас принесу огонь.

– Ха! Как Прометей?

Он оставил ее одну и пошел на корму.

У другого борта столпились морские туристы, шумно и нетерпеливо ожидающие «погрузку» в шлюпки и рискующие опрокинуть яхту кверху килем. Все были слегка навеселе, и им не терпелось первыми ступить на таинственный берег и обследовать гроты. Или забраться на скалы к соснам и сверху полюбоваться морем и яхтами. Кроме той, на которой прибыли Пругов со своей новой знакомой, встали на якорь в бухте еще три яхты, и от одной из них шлюпки уже отчаливали – матросы подтягивали их к берегу по предварительно натянутому толстому канату.

Но находились на борту яхты и другие туристы, те, которым здесь было намного интересней, чем на берегу. Бар ломился от бесплатной выпивки, а с верхней палубы разрешалось прыгать в воду, а потом, вынырнув, подплывать к корме, по спущенной лесенке забираться на палубу и нырять снова и снова – хоть до одури. И это было здорово! Но имелись и такие, которым уже все было до лампочки – и ныряние со второй палубы, и красоты Эгейского моря, и гроты, похожие на беззубый рот. Накачавшись дешевым турецким вином и пивом «Туборг» (также местного производства) под самую завязку, кое-кто из последних сил пытался продолжать возлияния, стараясь уничтожить все спиртные запасы яхтенных трюмов. А кое-кто уже прекратил данные попытки и спал мертвым сном на деревянных лавках, положив под голову барсетку или пластиковый пакет с купальными принадлежностями. Сосед Пругова по этажу, Вова Коваленко, малый лет тридцати с небольшим и весом явно более центнера, радовался жизни, примкнув к весёлой когорте отважных «ныряльщиков». Дождавшись, когда мокрая Вовина голова с ранней проплешиной покажется над бортом, Пругов крикнул:

– Володя, дай зажигалку. Я свою за борт уронил.

Коваленко, перебравшись через бортик, отряхнулся, как собака, сказал: «Ух, класс!» и вдруг замер, а потом к ужасу Пругова сунул руку в трусы и стал там энергично возиться, озадаченно глядя перед собой. Вытащив размокшую пачку сигарет и зажигалку, толстяк воскликнул:

– Блин! Совсем забыл. Надо же!

Выбросив в стоящее у лавки красное корабельное ведро сигареты, Вова протянул Пругову зажигалку.

– Дарю, Олегыч, – тоном умеренно богатого, а потому чрезвычайно щедрого в таких мелочах человека, сказал он и, неопределенно мотнув головой, добавил: – У меня там еще одна есть. И курева до жопы.

Они стояли на корме, и Пругов видел, что незнакомка терпеливо его ожидает. Подойдя и дав прикурить ей, он закурил сам.

– Так, – улыбнувшись, сказал Пругов, – кто я, мы выяснили. Вернее, вы меня раскрыли благодаря своей памя-

ти на лица и начитанности в области детективной литературы. А вас как зовут, синеглазая незнакомка?

– Меня зовут Надежда.

– Надежда, – повторил Пругов, как бы смакуя звучание слова. – Красивое имя.

– Обычное, – пожала плечами Надя.

– Вы здесь одна или... с компанией? – спросил Пругов и понял, что вопрос слишком прямой и что, возможно, он торопится.

Но с другой стороны – зачем понапрасну время терять? Из четырнадцати дней отдыха восемь он уже бездарно израсходовал на одинокое лежание на пляжном лежаке и на не менее одинокие поездки в Измир и Эфес.

В Измир Пругов ездил с группой, но ни с кем знакомства не заводил, а единственным его собеседником был Вова Коваленко. Правильней было бы назвать Вову не собеседником, а персональным гидом Пругова, антиподом гида, назначенного турфирмой принимающей стороны TTA tourism. Вова по своему комментировал рассказы гида и очень ему мешал. Он уже раз десять бывал в Турции, ездил сюда дважды в год, в отличие от Пругова, который приехал на отдых в эту страну впервые. Почему-то Пругов пренебрегал Азией, предпочитал Европу – Испанию, Италию. Даже Болгария была ближе его сердцу. А Вова знал здесь всё – все туристические маршруты с их подвохами и заманхой. Все магазины, лавки и нелегальные торговые точки, где все можно было купить весьма дешево.

– На кожную фабрику предложат прокатиться, – учил его Вова еще по дороге из аэропорта в отель (познакомились они в самолете, кресла рядом были), – съезди, посмотри, если хочешь. Но ничего там не покупай. Те же самые шмотки в Измире в два раза дешевле купишь. Я место одно знаю. Подвальчик один хитрый. Там негры работают. Ну, не негры, турки, конечно, или армяне местные с азерами, это я так, образно. Просто они за копейки работают. В смысле, за миллионы лир, но лиры – они копейки и есть. А хозяйин у них – сволочь патентованная. Мы с ним уже пять лет знакомы. Бакеном зовут. Полуказах-полутурок. А там, на фабрике, продавцы вроде бы цену ро-

нять будут, но ты не верь. Развод обычный! Они за установленный фабрикой ценник не выскочат ни в жизнь. И себе еще наварят. Будут говорить, что себе в убыток продадут, лишь бы ты купил что-нибудь, потому что ты им очень понравился, и они в тебя просто влюбились. Не верь. Ссут в руки! Тьфу, блин, то есть – врут, суки! Хитрые они, турки, чище наших евреев.

– Да я... – Пругов хотел сказать Вова, что приехал в Турцию отдыхать, а не кожей тариться, но тот не слушал, продолжал рассказ:

– Я этой весной в Измире тоже был. Заказал им куртешку. А что делать, заказал, размеров-то таких они не шьют массово, только на заказ. – Вова довольно похлопал себя по упругому, как накаченный резиновый шар, животу. – А тут эсэмэска из Москвы: «Вован, кончай пузо греть, азеры мазу берут». Что делать – бизнес есть бизнес! По-рыхлому собрался, а заказ-то мой не готов. Обещали в отель подвезти. Не подвезли. Я позвонил, сказали: чуть-чуть не успеваем, подвезем в аэропорт. Опять прокатили. Так и улетел в Москву без покупки. Но я Бакену из Москвы брякнул и такого пистона вставил. Как он извинялся, Олегыч! Не поверишь. Я ему сказал: в конце сентября приеду – чтобы было. И не только куртешка, но и полное кожаное обмундирование – штаны, жилетка, плащ, кепка, пиджак, ну и, само собой, куртешка. Мерка моя есть у вас, говорю. А по цене я его так нагнул, у него хром под коленками поллопался. Так что, Олегыч, ежели надумаешь в Измир ехать, меня держись. Со мной и деньги сэкономить, и вещь качественную купишь.

В Измире Пругов хотел все же пойти с группой, но Вова Коваленко увлек его за собой. Соблазнил его тем, что самый настоящий турецкий кофе подают не где-то в дорогих ресторанах, а именно в этом хитром подвальчике. И еще сказал, что Пругову, как писателю-детективщику (Вова к тому времени уже знал, что Пругов пишет детективы), небезынтересно будет ознакомиться с подпольным турецким бизнесом. Настоящий кофе по-турецки в купе с обещанным «новым» опытом подействовал на Пругова безотказно.

Скорняки-турки, как и ожидалось, оказались ребятами молчаливыми и

заваленными работой, кофе – самым обыкновенным, ничуть не лучше того, что бесплатно предлагался в снэк-баре отеля. А вот Бакен оказался писателем личностью весьма колоритной и сразу определился на одно из центральных мест в будущем романе о турецких предпринимателях, не желающих платить налоги государству. Естественно при условии, что роману этому будет суждено родиться. Правда, ничего нового о теневом турецком бизнесе Пругов не узнал да особенно и не старался – все бизнесмены, будь то турки, русские или эфиопы, налогов платить не желают, а схемы снижения налогооблагаемой базы всюду одинаковы. Бакен на эту тему не откровенничал, он много говорил, шутил, рассказывал неожиданно смешные анекдоты. Как личность – колоритен, как теневой бизнесмен – изворотлив и непонятен.

А в Эфес Пругов ездил один. И не потому, что от природы был убежденным индивидуалистом и мог терпеть рядом с собой не более одного спутника, и уж вовсе не потому, что Вова на развалинах древнего города было нечего делать, предприимчивый толстяк и на развалинах нашел бы функционирующую производственно-оптово-рознично-торговую точку. Просто Пругов хотел побыть один. Чтобы в одиночестве побродить по древним руинам и попытаться погрузиться в спящую ауру эпохи мелочного честолюбца Герострата и великого полководца Александра Македонского. Была у Пругова одна идея, только он не знал, как к ней подступиться. Он задумал написать исторический детектив и надеялся, что созерцание руин навеет ему кое-какие мотивы, может быть, неожиданно возникнет сюжет. Необычный сюжет – историко-криминальный. Пругову с недавнего времени стало неуютно и тоскливо в рамках современного детектива. Он даже стал подозревать, что исписался. Идея детективного романа о делах канувших в лету веков не нова, но и не изъезжена вдоль и поперёк. Там есть над чем покумекать и написать роман таким образом, чтобы он был одинаково интересен и поклонникам детективного жанра и поклонникам жанра исторического.

У Пругова не было конкретного плана, он просто хотел мысленно погрузить-

ся в нематериальный исторический континуум Эфеса и раствориться в нем. Такое бывало раньше, когда он приходил на место некогда совершенного преступления, указанное ему знакомым опером Гришей Иваницким, предварительно изучив материалы уголовного дела. Что-то накатывало. Он начинал ощущать себя единым в трех ипостасях – преступником, жертвой и следователем. А потом, вернувшись домой и сев за компьютер, он вспоминал свои ощущения, и пальцы барабанили по клавиатуре как бы сами собой. Возникали закрученные сюжеты, бойко выписывались диалоги. Получалось, ну... если не гениально, то, во всяком случае, интересно.

В Турцию Пругов приехал, конечно, отдохнуть после того, как закончил свой последний роман и сдал его на вычитку редактору. Но и подготовке к написанию исторического детектива он отвел место в своем турецком вояже. Собираясь в дорогу, Пругов кое-что почитал о Турции, об истории этой страны, расположенной и на западе Азии, и частично на юге Европы, освежил, так сказать, свои знания. Но это так, для более успешного погружения. Главное – почувствовать эпоху и страну, а детали можно легко извлечь из глобальной сети.

Взяв такси, Пругов поехал в Эфес один. Разговорчивый водитель болтал на хорошем английском всю дорогу, но Пругов слушал вяло, готовился к погружению. Доехав до турникета перед входом в античный город, более напоминающий каменоломню, Пругов выдал «говоруну» аванс, договорился о встрече с другой стороны руин, за амфитеатром, через два часа и, купив билет, шагнул в спящую, расплавленную неласковым турецким солнцем историю.

На белых камнях – кто сидя, кто стоя – расположились туристы, скучкованные в группы; все слушали своих гидов. Рассказы об истории регулярно разрушаемого и вновь восстанавливаемого Эфеса звучали на английском и немецком языках. В одной из групп гид вещал на языке, не известном Пругову. Скорей всего, эта группа состояла из скандинавов: все женщины как на подбор – натуральные блондинки с серыми тусклыми прямыми волосами, а мужчины отличались высоким ростом, неспортивным телосложением и также

в основном были блондинами. Русских на развалинах Пругов не углядел. Он не стал подходить ни к одной из групп, наоборот, отошел ото всех подальше.

Он бродил по развалинам, спускался в темные подземелья, которые почему-то очень быстро заканчивались и круто вели вверх – к свету. Он поднимался на стены и перекрытия зданий в тех местах, где это было разрешено, где не висели заграждающие цепи и не было видно черных табличек с предупреждающими надписями, что там, за табличкой, все ветхое и в любой момент запросто может рухнуть. Пругов забирался наверх и оттуда обзирал панораму. Он ждал, что марево солнечного дня вдруг расступится, и его взгляду откроется живой Эфес, полный городского шума – звона золотых и серебряных монет, зазывных криков уличных торговцев и сутолоки жителей, торгующихся с ними. Он ждал, что узкие улочки раздвинутся, и он увидит людей в белых античных одеждах.

Нет, он видел только туристов в паннамах, шортах и майках и их гидов. Улочки, если эти проходы можно было назвать таковыми, были кривыми и узкими. Гиды говорили тихо, а туристы в основном помалкивали и щелкали фотоаппаратами или неслышно строчили по руинам непрерывными очередями из видеокамер, желая увезти с собой в Берлин, Лондон и Осло вещественные доказательства своего пребывания в городе, основанном, по преданию, амазонками.

Как ни прислушивался Пругов к себе, никак не мог уловить хоть какие-то признаки погружения. Ничего. Ноль. Все вокруг казалось искусственным, как декорации в театре.

Впрочем, так оно и было – искусственные обломки капителей, отлитые из бетона, обломки ребристых колонн, тоже бетонные, даже камни в мостовых наверняка были сделаны совсем недавно на одном из местных ЗЖБИ и выдавались за настоящие, из тех веков, которые до нашей эры.

Римская баня была похожа на брошенный строителями котлован с нулевым циклом, подготовленным под трансформаторную подстанцию. Котлован зарос бурьяном, а бурьян под лучами солнца уже превратился в армию зоологических мумий. Рядом с римской баней располагался римский же галь-

юн. А где ж ему быть, как не рядом с баней? Гальян Пругова рассмешил. Вернее, не сам гальян – гальян как гальян, только стульчак высокий, длинный и каменный, на нем можно было сидеть, а не висеть на корточках. По всей длине стульчака, имеющего в плане форму буквы «Г», на равном расстоянии друг от друга были пробиты в каменной плите отверстия, на которые тут же расселись туристы, проверяя на удобство и размер. Они ерзали и весело переговаривались меж собой, делаясь впечатлениями. Это-то и развеселило писателя, решившего попробовать себя в исторических детективах. Развеселило, но погружению не способствовало.

Одно из хваленых чудес света, храм Артемиды, тоже не вдохновил Пругова. Сжег его маньяк Герострат в 356 году до нашей эры, раздраженно подумал он, и не надо было строить заново. Храм известен тем, что его сожгли, а не тем, что восстановили.

Погружения не наступало.

Публичный дом оказался банальной площадью с нарисованной в одном из ее уголков женской ступней, а точнее, с рисунком ступни небольшого размера. Когда-то здесь весело и наверняка шумно оттягивались гладиаторы после трудов праведных, а сейчас тут царил пустота и уныние. Разомлевшие от жары рыхлые туристы мужского пола мало напоминали качков-гладиаторов, а туристки в бейсболках и с мокрыми кругами на майках под мышками были совершенно не похожи на античных куртизанок.

Погружения не происходило. Откуда? Какое погружение в публичном доме? Хотя и в античном, но в таком... никак, не похожем ни на что, только на пыльную площадь.

Несколько заинтересовал театр на двадцать четыре тысячи посадочных мест с шикарной акустикой, при которой на задних рядах слышно, как на сцене упала мелкая монетка. Пругов представил себе, как он сидит на жестких каменных ступенях и слушает Пласидо Доминго, и понял, что не смог бы дослушать концерт до конца.

Погружение так и не наступило.

Захотелось домой. Не вообще домой – пока только в отель.

На обратной дороге водитель посо-

ветовал заехать в дом Девы Марии, в котором она, по преданию, умерла и из которого вознеслась на небо. Пругов махнул рукой: а, поехали, чего уж там! Раз уж мы тут рядом, что не заехать? Тем более что он уже давно хотел по-маленькому – «пометить» какой-нибудь укромный закуток античности показалось писателю моветоном, а найти этот самый укромный уголок – неразрешимой проблемой.

Посетив место общественного пользования (кстати, за посещение этого заведения денег здесь не брали), Пругов постоял у дома Девы Марии, подумал и заходить не стал. Не испытывал жгучей потребности. Он не стал оставлять у стены с веревочками своей записки, не стал набирать воду из трех источников в виде обычных водопроводных кранов, даже на вкус не попробовал. Сел под навес в уютной кафешке, заказал бокал пива – сидел, курил, размышлял, спрашивал сам себя: «Что это? Неужто финал? Неужто и впрямь исписался?..»

В Трою Пругов решил не ехать (эту поездку он запланировал на предпоследний день своего пребывания в Турции). Что он там увидит? Те же самые искусственные камни, руины, похожие на эфесские. Деревянного коня, которого турки ремонтируют каждый год, а раз в несколько лет меняют на нового.

– Домой надо ехать, – решил он. – Может, дома все будет иначе? Вот только получу положенную (избыточную, но приятную) дозу ультрафиолета, помокну в Эгейском море, подышу воздухом, пропитанным запахом тысяч растений-экзотов, поем персиков, которые, кстати, здесь совершенно не вкусные, и уеду. Вернусь в холодный и дождливый, а может быть, даже снежный октябрь родного города и буду дома на диване ждать прихода вдохновения. А не дождусь, так...

Пругов не смог сейчас придумать, чем он будет заниматься, если не дождется вдохновения. Не хотелось ничего придумывать.

– Поживем – увидим, – постановил он мудро и только тут понял, что думает вслух. Толстый турок за стойкой смотрел на Пругова странно.

– Вы здесь одна или... с компанией?..

– Я здесь не одна. И не с компанией. Со мной – вот «это».

Надежда качнула головой вбок. Пругов посмотрел в указанном направлении и увидел мужчину, уютно расположившегося на лавочке у борта. Тот лежал на боку, положив под голову набитый вещами пластиковый пакет, похожий на надувную подушку, и громко храпел. Звуки музыки из рубки и всплески ныряльщиков совершенно его не тревожили. Лицом мужчина был развернут к борту, поэтому разглядеть его внешность и определить возраст, было сложно.

– Муж?

Надя кивнула:

– Объялся груш. А если конкретно и без прикрас – упился красным вином. Что поделать, все включено... А вы, Андрей Олегович, совсем не пьете? Я не видела, чтобы вы хоть раз подошли к барной стойке.

– Ну почему же? Выпиваю. Пиво я пью иногда, но не в такую погоду. Когда жарко – в этом есть смысл. А от местного сухого вина у меня, простите за интимную подробность, – изжога. Из здешних вин только одно можно пить, не опасаясь последствий, – «Антик», знаете? – Надя отрицательно покачала головой. – А вообще, я предпочитаю крепкие напитки – водку или коньяк. Ну, что будете делать? Будить?

– Пусть спит, – просто ответила Надя. – Дома он устает на работе. Сюда приехал отдохнуть – пусть отдыхает. Пойдемте к шлюпкам, Андрей Олегович. Я хочу на берег.

– Вы оставите мужа одного?

– Он будет долго спать. А если проснется, найдет себе занятие. Вы за него не беспокойтесь. Да и не один он остается. Посмотрите, сколько здесь народа, – она кивнула на кучку хмельных туристов обоего пола, расположившихся на серединной лавке и непонятно разговаривающих по-русски. В руках у них были стеклянные бокалы с пивом и пластиковые стаканы с красным вином. Друг друга они понимали прекрасно.

Пругов спустился в шлюпку, ожидая последних пассажиров, тех, кто изъявил желание высадиться на берег. Он встал устойчиво и подал Надежде руку. Рука была теплой, покрытой ровным красивым загаром и слегка полно-

ватой. Красный пластиковый браслетик, говорящий, что его хозяйка обслуживается по системе All inclusive, плотно охватывал запястье, но не врезался в кожу. Эта легкая полнота Надю нисколько не портила, напротив – ярко подчеркивала ее женственность. Ноготки были умеренной длины, хорошо обработаны и покрыты ярким лаком. Ухоженная ручка, ничего не скажешь. Было видно – если Надя и работает, то явно не кухаркой. Пругов представил себе все остальное, скрытое под мешковатой трикотажной футболкой и широкими светло-голубыми бриджами из тонкого хлопка, и ему захотелось увидеть Надю хотя бы в купальнике. И хорошо, чтобы он оказался открытым. Видимо, естественное мужское желание высветилось в его взгляде, Надя это почувствовала и улынулась, явно довольная произведенным эффектом.

Два матроса – один на носу, другой на корме – быстро перебирая руками канат, подтягивали шлюпку к берегу. Когда до него осталось метра три-четыре, Надя скинула босоножки и прыгнула с борта в воду.

– Куда?! – крикнул Пругов, зная, что глубина обманчива и дно не так близко, как кажется, но его предупреждающий окрик запоздал.

Надя ушла под воду с головой. Не раздумывая, Пругов бросился на помощь – как был, даже кроссовки не скинул, но Надя уже сама вынырнула и, отплевываясь, по-собачьи поплыла к берегу. Обхватив женщину за талию, Пругов стал ей помогать; вскоре он нащупал ногами дно. Матросы уже пришвартовали шлюпку и помогали сойти на берег остальным пассажирам, изредка бросая заинтересованные взгляды на Пругова и его нетерпеливую спутницу. Один из матросов громко сказал по-английски:

– Осторожно. У берега в камнях могут быть морские ежи.

– Что он сказал? – переспросила у Пругова Надежда, беспечно наступая на скользкие подводные камни. Английского она, похоже, не знала.

– Под ноги смотри, – неожиданно для себя перешел на «ты» Пругов. – На морского ежа не наступи, здесь они водятся. Наколешь ногу, считай – отдых закончен.

Они выбрались на берег. Туристы из

их шлюпки уже спешили к гротам, а матросы уселись на серый валун и одновременно закурили. Надя посмотрела на Пругова и сказала возмущенно:

– Предупреждать же надо! Я не о ежах. Я о глубине. Кажется, что у берега не больше, чем по колено.

– Я предупредил, – Пругов принял это на свой счет, – но ты такая непредсказуемая.

Надя лукаво взглянула на Пругова.

– Мы уже на «ты»?

– Извините.

– Нет, я вообще-то не против. Сама хотела предложить, – и, улыбнувшись, добавила: – Чуть позже.

Пругов понял это «чуть» как намек на дальнейшее развитие отношений. И подумал: «Девушка вполне готова к тому, чтобы уже сегодня вечером прыгнуть в мою постель. Неужто я понравился ей как мужчина? Это с моими-то морщинами и залысинами? Хотя... от такого мужа и со стариком гульнуть не грех!»

– Нам надо обсохнуть. Разденемся и просушим одежду на камнях, – предложил он. – На ветерке наши вещи быстро высохнут. Да вроде..., – он зачем-то огляделся по сторонам, – вроде тепло. А в воде еще теплее. Мы разложим вещи на камнях, а сами будем купаться...

– Я не могу.

– Что не можешь? – не понял Пругов. – Купаться? – и подмигнул: – Так ты уже в некотором смысле искупалась.

– Не могу раздеться.

– Почему? – искренне удивился он.

Надя вздохнула и объяснила ему как непроходимому тупице:

– У меня нет купальника.

– Почему же ты его не взяла с собой?

– Он был в пакете. А пакет, сами видели где.

– Видели, – согласился Пругов. – Но почему «вы»? Я думал, мы этот вопрос уже обсудили.

– Хорошо, – улыбнулась Надежда, – будем считать вопрос закрытым. – И вдруг звонко рассмеялась: – Ха-ха-ха! Ни фиги себе! Вот, что значит – любимые босоножки! – Надя подняла руку, в которой держала за ремешки белые мокрые босоножки. – Утону, но любимую обувь ни за что не брошу!

Пругов смотрел на ее молодое сме-

ющееся лицо, на темные волосы, ставшие от воды почти черными и нестрашными ручными ужиками, сползающими на плечи, на красивую загорелую руку, поднятую вверх и держащую босоножки, с которых капала вода, и какая-то теплота наполняла его душу. Пругову захотелось обнять Надежду. Очень сильно захотелось.

«Черт меня побери! – подумал он. – Еще каких-то полчаса назад я даже не подозревал о существовании этой женщины: не обратил на нее никакого внимания ни на пирсе при посадке, хоть и шел следом за ней по трапу, как она утверждает, ни потом – на палубе яхты за всю двухчасовую прогулку по морю. Все два часа простоял у борта, выкурил полпачки сигарет и никого не замечал вокруг. Никого. Думал о своей писательской судьбе, которая, судя по всему, заканчивается – окончательно и бесповоротно. Думал и не замечал, что рядом – такая прелесть! И веснушки на ее сморщенном от смеха носу – прелесть! Стоп! Что за жеребьячи восторги? Влюбился ты, что ли, на старости лет?»

– И все же надо просушить одежду, – строго сказал он. – Давай уйдем за грядку камней. Туда, – он показал рукой влево. – Там другая бухта, и туда не высаживался ни один туристический десант. К тому же те, кто высадился, заняты исследованием пещер. Наверное, они хотят отыскать пиратские сокровища. ...А если кто и забрел случайно, мы еще дальше уйдем. Туда, где вообще никого нет.

Надежда отрицательно покачала головой:

– Ни за что!

– Я обещаю: подглядывать не буду. Хотя, если честно признаться, – сделать это мне будет очень трудно.

– Нет.

– Ну почему: нет? – почти обиделся Пругов. – Что в этом такого предосудительного? Здесь многие загорают топлес. Иностранки, так они вообще...

– Не-ет. Я не иностранка какая-нибудь. Я – русская.

– Тогда надо вернуться на яхту и там переодеться, – решил использовать Пругов свой последний аргумент.

Надя посмотрела на Пругова с испугом, даже с ужасом.

– Пойдем за грядку, – решила она и

первой пошла в указанную им сторону.

Та бухта, в которой они оказались, была совершенно не удобной. Пругов так ее и окрестил мысленно – «неудобная бухта». Тропинка тянулась вдоль границы воды и была очень узкой, а скала почти отвесно шла вверх. И они пошли дальше. Следующая за «неудобной» бухта, а точнее, бухточка, отвечала всем их требованиям – там был небольшой галечный пляж, она была отгорожена от «соседки» грядой высоких островерхих валунов, а из скалы торчали какие-то корни, на которых можно было развесить мокрую одежду.

– Я останусь здесь, – объявила Надежда, остановившись посреди пляжа. – А ты повесь свои шорты и майку на корешок и вернись в ту бухту, которую мы прошли. Только не высовывайся из-за камней. Обижусь.

– А может, я тут побуду? – улыбаясь, спросил Пругов. – Отвернусь – да и все. Буду смотреть на море и на чаек. И не буду поворачиваться.

Надя внимательно посмотрела на Пругова, улыбнулась в ответ и милостиво разрешила:

– Уговорили, Андрей Олегович. Я вам доверяю. То есть... я доверяю тебе... Андрюша.

То, как она произнесла его имя, повергло Пругова в состояние, близкое к сексуальному буйству, но он сдержался и стал раздеваться. Когда стянул через голову прилипшую к спине футболку и посмотрел на Надежду, он увидел в ее взгляде заинтересованность. Но она тут же отвела глаза в сторону. Пругов снял шорты, а кроссовки уже стояли на плоском камне и целились наполовину вытасченными стельками в светло-серое небо.

– Повесь одежду и сядь там. – Надя указала на камень, стоящий у начала гряды. – И смотри, чтобы сюда никто не забрел.

– Слушаюсь и повинуюсь, – угрюмо проворчал Пругов и, оставив одежду на ближайшем от него корне, отправился к указанному камню, спиной ощущая, что Надежда раздевается.

– Ай! – услышал он вдруг ее вскрик и повернулся.

Единственное, что успел заметить Пругов – руки с растопыренными пальцами, закрывающие живот. Не грудь, что выглядело бы более естественно, а

живот, будто именно он – самое интимное женское место. А грудь он разглядеть не успел, Надежда резко повернулась спиной и крикнула:

– Ты обещал не подглядывать!

– А что ты орешь как резанная? – возмутился Пругов отворачиваясь, и подумал: «Играет она со мной, что ли? Как кошка с мышкой. Дразнит? Ждет, когда я с ума по ней сойти стану?»

– Извини, я нечаянно. На камень острый встала.

– Ты что, старый козел? – тихо разговаривал сам с собой Пругов, усевшись на камень и уставившись на тропинку «неудобной» бухты. – И впрямь с ума сойти начал? Какая-то вертихвостка, лишенная мужниного внимания, решила испытать на тебе свои чары, а ты и растекся, как молокосос? Она собралась развлечься, оставив своего обожравшегося халявным вином муженька на яхте, повилить у тебя перед носом своим хвостиком. Это понятно. А ты? Нет, чтобы просто трахнуть ее на пустынном турецком берегу да и забыть к чертовой матери. Нет, ты думаешь, что она не такая. Что она – прелесть, непосредственная, но притягательная прелесть. И что ты ей безразличен. И что у тебя с ней возможен не просто секс, но и что-то другое, похожее на душевную близость. Бр-р-р! Такие мысли до добра не доведут. Бросай это все, поворачивайся и иди к ней. Она ждет. Не будь валенком. Иди. Ты же этого хотел. Или нет? Или да? Или что? Иди, престарелый Казанова!

Что-то не давало ему повернуться и подойти к раздетой женщине.

Что?

Пругов услышал всплеск у себя за спиной и рефлекторно повернул голову.

Надежда была в море, она плыла вдоль берега, но не в его сторону – от него. Ее тело в воде виделось Пругову белым зыбким пятном.

– О морских ежах не забудь, – крикнул он.

Надежда повернула в его сторону голову, только голову.

– Тут дно чистое, – крикнула в ответ. – Никаких ежей не видать, одна галька. А вода теплая, как подогретая. Как парное молоко. – И потом, подумав: – Можешь тоже искупаться. Только близко не подплывай.

Пругов не стал себя уговаривать. Прямо с камня, на котором сидел, он бросился в эгейскую волну. Вообще-то, в «эгейскую волну» – это так, обычно. Волны не было; море было спокойным и ласковым, ручным. Сильными гребками Пругов отплыл от берега метров на пятьдесят, потом развернулся и медленно поплыл обратно.

Надежда стояла в воде, недалеко от берега, спиной к нему. Она чувствовала, знала, что он плывет в ее сторону, но не поворачивалась и не останавливала его. Она ждала. Пругов подплыл и нежно взял женщину за плечи. Она дрожала, как осиновый лист. Дрожат либо от холода, либо от страха. Было тепло, Надя дрожала от страха. Она боялась его? Нет, наверное, она боялась себя. Пругов осторожно прикоснулся губами к ее мокрой шее и, продолжая оглаживать плечи и руки, добрался до груди, ожидаемо большой и мягкой и неожиданно оказавшейся маленькой и упругой. Она не сопротивлялась, позволяла ласкать себя, сжимать и разжимать тугие мячики груди, позволяла его пальцам касаться напряженных сосков, но когда Пругов попытался скользнуть по ее телу вниз, к животу, его нетерпеливые руки были тут же перехвачены руками Надежды.

– Нет. Не сейчас. Прости, Андрюша. Потом. Прости, – громко прошептала она и вдруг стала чужой, отстраненной. Но в ее шепоте Пругов уловил нотки отчаяния и еще чего-то. Он принял это за сомнение.

– Почему? – таким же громким шепотом спросил он.

– Не надо. Не сейчас...

– Почему? Почему не сейчас? Я хочу тебя, и ты, мне кажется...

– Нет! – она почти выкрикнула это слово. Но так же, шепотом.

Пругов психанул, резко, почти грубо оттолкнул Надежду от себя и вышел на берег. Шорты и футболка почти просохли. Он резко сдернул их с корня и пошел к своему камню. По дороге прихватил кроссовки. Они были совершенно сырые, даже стельки ничуть не подсыхли, только слегка обветрились. И это его разозлило еще больше. «Нужно было их не в кроссовки вставлять, старый дурак, а положить отдельно», – отвлеченно подумал он.

– Что мне сейчас не хватает, так это

хорошей дозы никотина, – сказал Пругов вслух самому себе.

В кармане футболки лежала мокрая пачка «Кента» и зажигалка, подаренная Пругову Вовой Коваленко. Пругов разложил сигареты на камне рядом с собой, чтобы просохли. Конечно, гадкими будут, когда высохнут, но на безрыбье и рак – рыба.

«Не сейчас, – вспомнил он Надин шепот. – А когда? Именно сейчас самый подходящий момент. Был!.. Что это со мной? Я иду на поводу у этой женщины. Я беспрекословно выполняю ее приказы. Сказала: нет, я и послушался. Я просто не узнаю сам себя. ... Не сейчас... А когда? – он взглянул на циферблат своих водопопыленепроницаемых часов; на внутренней поверхности стекла появилось облачко, составленное микроскопическими капельками влаги. – Через пару часов надо будет возвращаться на яхту. Мы вернемся на пристань и разедемся по своим отелям. Каждый в свой отель. Я с Вовой Коваленко в свой, она с мужем... Надо спросить, в каком отеле они живут. И сколько им еще осталось отдыхать в Турции. Стоп! А зачем? Зачем это мне? Нет, паря, с тобой явно не все в порядке. С твоей головой не все в порядке. Все! Достаточно на сегодня сексуальных встрясок! На сегодня и вообще – на весь турецкий отдых. Вот вернусь в Новосибирск, а там скоро и Наталья из Таиланда вернется... Интересно, как ей там отдыхается? Небось, тоже ищет приключения вдали от мужа и от любовника? Надо было предложить ей поехать вместе. Не было бы тогда искушений. А может, и правильно сделали, что поехали в разные места. Отдыхать иногда и от любовницы надо. Тем более, если уже семь лет вместе и если за эти семь лет так и не пришли ни к какому решению...»

– А ты женат, Андрюша?

Надин голос прозвучал у него за спиной неожиданно, спугнув только что возникший мысленный образ Натальи. Пругов даже вздрогнул. Он повернулся. Надя была одета. Она стояла и смотрела на него такими ясными и невинными глазами, словно несколько минут назад между ними ничего не происходило. Пругов усмехнулся:

– А разве это имеет значение?

Надя пожала плечами и присела

рядом. В ее руке были камешки. Она стала по одному бросать их в воду. Бросала и молчала. Камешки делали «клак» и «блак», смотря по тому, какой стороной пробивали гладь воды. Молчание затянулось на несколько минут. У Нади закончились камешки, она горстью зачерпнула еще и продолжила свое занятие.

– Я не женат, – запоздало решил ответить Пругов.

– Развелись?

– Да. Уже давно. Двадцать лет назад.

– И больше не женился? – Пругов заглянул Наде в глаза и увидел там искренний интерес.

Он снова усмехнулся:

– Я – плохой муж. По дому ничего не делаю. Не умею и не люблю. Когда работаю, а работаю я иногда часов по десять-двенадцать, сижу, запершись в кабинете, и отключаю телефон. Часто, если не пишется, бываю раздраженным и никого не хочу видеть.

– А в Турцию приехал отдыхать? Или в творческую командировку, за новыми впечатлениями, так сказать?

– И то и другое.

Они снова замолчали. Наконец, Пругов не выдержал. Он задал Наде вопрос в лоб:

– А ты? Ты любишь своего мужа?

– Ха, – Надя взяла с камня подсохшую сигарету и стала ее разминать в пальцах. – Нет, не люблю. Сначала думала, что да, а потом поняла... А уж совсем потом...

Надя вдруг замолчала. Пругов увидел, что ее синие глаза вдруг стали серыми, как мокрые камни.

– И он меня не любит. Он вообще не способен любить.

– Импотент, что ли?

– Импотент? Нет, – Надя горестно усмехнулась, – *это* он делает регулярно. И не только со мной. Я знаю, у него есть любовница. Или много любовниц. Он их покупает. Он вообще думает, что все можно купить. И меня он купил когда-то. По дешевке...

– Ну зачем ты так... о себе? Странно.

– Да. По дешевке... Я – дешевка. Ой! – Пругов увидел, что сигарета в Надиных руках разошлась по шву и весь табак высыпался ей на колени. – Сигарета сломалась...

Пругов встал.

– Пошли туда. В ту бухту, куда нас высадили.

– Ты хочешь присоединиться к исследователям пещер?

– Я хочу стрельнуть у кого-нибудь нормальную сигарету. Эти «утопленники» наверняка соленые на вкус.

– Давай здесь посидим. Покурим потом, когда на яхту вернемся.

– Хорошо. Давай сидеть здесь. Ты мне расскажешь еще что-нибудь о себе? Кроме того, что ты читаешь детективы, любишь сидеть дома и не любишь Дарью Донцову?

– Я ненавижу сидеть дома.

– Ты же сама говорила, что ты ужасная домоседка.

– Домоседка поневоле. *Он* не выпускает меня из дома.

– Как так? – не понял Пругов.

– А вот так. После того, как я попыталась сбежать от него... Нет. Все! Не хочу об этом. Не хочу о нем, не хочу о себе. Давай лучше о тебе поговорим. Нет, правда, давай о тебе.

– Но я должен понять...

– Ты никому ничего не должен. И не надо меня понимать. Я сама себя не понимаю. Но я пойму. Обязательно. И все тебе расскажу. Все, что поняла.

– И когда это случится?

– Случится когда-нибудь.

– Боюсь, что *это* произойдет с нами в другой жизни. – Пругов нарочно сделал ударение на слове «это».

– В этой жизни. – Надя посмотрела Пругову в глаза. Они у нее снова были синими, как Эгейское море. И в них играли чертики. – И совсем скоро. Обещаю, что *это*, – Она тоже выделила ударением слово «это», – произойдет скоро. Ты даже не успеешь увлечься другой.

– А ты считаешь, что тобой я увлечен?

– Считаю. – Надежда была неотражена в своей уверенности и какой-то детской непосредственности. – Итак!

– Что?

– О тебе.

– Хорошо, спрашивай, – с улыбкой разрешил Пругов.

Надя задумалась, но не более чем на секунду.

– Ты живешь один? Я имею в виду: есть у тебя кто-нибудь? Женщина? Любовница у тебя есть?

– Есть. Вернее, так – и да, и нет.

– Как это: и да, и нет? Ненастоящая женщина? Резиновая, что ли? – звонко рассмеялась она.

– Нет, не резиновая, – обиделся почему-то Пругов за Наталью. – Настоящая. И грудь у нее, кстати сказать, больше, чем у тебя. – Сказал в отместку и сразу же после произнесенных слов мысленно обозвал себя дураком.

Надя фыркнула, но, как заметил Пругов, в отличие от него, не обиделась. Или сделала вид, что не обиделась.

– Просто она замужем и с мужем разводиться не собирается. – Подробностями своих отношений с Натальей Пругов как бы оправдывался перед Надеждой за невольное выскочившую глупую мальчишескую фразу. – Вот и мечется между ним и мной. Муж не устраивает ее как мужчина, но он мастак в решении вопросов иного характера.

– Финансовых, например...

– И финансовых в том числе. А вообще, у них все сложно.

– Как у всех, – кивнула Надя, подумав, видимо, о своих проблемах.

– Ну да, как у всех. – Пругов был вынужден согласиться с очевидным.

– А твои папа и мама? – продолжила допрос Надежда. – Они живут вместе с тобой?

– Они умерли. Мама давно. Она умерла, когда я появился на свет. Я ее только на фотографиях видел. Мама была очень красивой. Молодой и красивой. А отец все это время после смерти мамы жил со мной, он так и не женился вторично... У нас большая квартира. Большая и пустая. Папа умер этой весной.

– Соболезную. – В голосе Надежды Пругов уловил искреннее сочувствие. Он пожал плечами:

– Печально, конечно, но ему было девяносто пять лет. Ничего вечного не бывает.

– Девяносто пять?! – ужаснулась Надя. – А сколько же тебе лет, Андрюша? Ой, прости! Это бестактный вопрос.

– Почему ты просишь прощения? – удивился Пругов. – Для мужчины его возраст – не есть нечто, что желательно скрывать от окружающих. Мои года – мое богатство. Мне пятьдесят пять.

– Я подумала тебе больше.

– Лет семьдесят? – усмехнулся Пругов.

– Ой, прости! – Надежда была сильно смущена. – Я не то хотела сказать, – оправдывалась она. – Я не имела в виду твой внешний вид, ну, что ты плохо выглядишь... То есть... Я совсем запуталась. Прости дуру! Я просто подумала, что если твоему папе было девяносто пять, то тебе... – и вдруг спохватилась: – А вообще, ты хорошо выглядишь. Нет, честно. Я бы тебе дала не больше сорока.

– Ну, это ты, Надюша мне льстишь. Безбожно и нагло.

– Нисколько! – с жаром воскликнула Надя.

– Сорок лет было моему отцу, когда я родился. Я у него был поздним ребенком. У меня еще брат есть. Старший. По отцу. От первого брака. Вот брату моему уже семьдесят через месяц стукнет. Он живет в Новокузнецке. У него большая семья. Внуков семеро.

Надя задумалась.

«Интересно, о чем она сейчас думает? Подсчитывает разницу в возрасте между мной и собой? А зачем? Какая разница в этой разнице? Прости меня господи за тавтологию! А еще писатель... И все-таки – зачем ей эти расчеты? Не собирается же она разводиться с мужем и выходить за меня? Интересная дамочка, ничего не скажешь!»

Словно угадав его мысли, Надя сказала:

– Когда тебе будет девяносто пять, как твоему папе, мне будет шестьдесят девять. Представляешь?

Пругов взглянул на ее серьезное личико и вдруг покотился со смеху. Не удержавшись, съехал с камня и упал спиной на гальку.

– Ха-ха-ха-ха! – заливался он.

– Ты чего?! – удивилась Надежда. – Что смешного я сказала?

– Ха-ха-ха! Я пред... Ха-ха-ха! Я пред... Ха-ха-ха-ха! Я представляю. Ха-ха-ха-ха!

– Ну и что? – Надя явно не понимала, что так развеселило Пругова. – Что? Неужели это так смешно?

– Это безумно смешно, – ответил Пругов, вытирая слезы. – Я уже много лет так не смеялся.

Надя пожала плечами.

– Не понимаю. Что может быть смешного в том, что я умру в шестьдесят девять лет?

С Пругова вмиг слетело веселье.

– А с чего это вдруг? Почему ты решила, что умрешь в шестьдесят девять лет?

– Я не решила. Ты сам сказал, что твоему папе было девяносто пять, когда он умер. Значит, и ты умрешь в девяносто пять. – Логика у Надежды была весьма своеобразной, но при этом железной. – Ну, может быть, позже. Может, в девяносто шесть. А так даже лучше! – обрадовалась она. – Пусть будет – в девяносто шесть. Мне тогда ровно семьдесят будет. А семьдесят – это уже ничего. А вообще, живи, сколько сможешь и сколько захочешь!

– Спасибо! Но ты-то здесь при чем? Я не понял.

– Как при чем? Мы умрем в один день.

Пругов внимательно посмотрел на Надежду.

– Я не сумасшедшая, – ответила она на его пристальный взгляд и отвернулась к морю. – Наверное, я пошутила.

Пругов развернул ее за плечи к себе.

– Наверное? То есть ты не знаешь – пошутила или нет?

Надя долго не отвечала. Глаза ее становились то серыми, то синими. Они мерцали.

– Я не пошутила. Я знаю. Мы с тобой, Андрюшенька, умрем в один день. И от этого никуда не деться. Ни тебе, ни мне...

Утро следующего дня было солнечным.

Уже в семь утра стало жарко, а днем, судя по всему, даже близость моря не спасет от жары. Единственное спасение – не выходить из кондиционированной прохлады одноместного люкса, а если выходить, то не в город, а либо в бар, где кондеры работают на полную мощность, либо сразу на пляж и – в море. И сидеть там...

Солнце выглянуло из-за гор в пять сорок, один из его любопытных лучиков нашел щелку в задернутых портьерах, проник в номер, отыскал Пругова и ласково погладил мужчину по щеке. Тот улыбнулся во сне, но не проснулся – этой ночью он уснул поздно. Покою ему не дали немцы, веселящиеся сначала в баре, потом перешедшие в свой

номер, который, как назло, оказался соседним с пруговским. Хорошо подвыпившие мужчины и женщины смеялись, громко разговаривали, практически орали, и полночи был слышен звон бокалов. Потом гулеваны утихомирились, но тут пришли они – мысли.

О своем будущем как писателя Пругов уже не думал, все его самоедские душевные всхлипы и терзания были вытеснены размышлениями о странной женщине, случайно встретившейся на его жизненном пути.

Правильней было бы сказать, что мысли о Надежде не покидали мужчину с того момента, когда он сел в микроавтобус, поджидающий на пристани его, Вову Коваленко и еще нескольких слегка протрезвевших за обратный путь морских туристов, чтобы отвезти оных в отель. Надежда с мужем от пристани пошла на остановку долмуши, которая называлась «дурак». (Все остановки в Турции носят это весьма привычное для слуха русского человека название, но привычное на родине, а здесь – неожиданное, похожее на насмешку.) Надежда с мужем пошла к «дураку», а он, Пругов, стоял и смотрел им вслед.

Как дурак.

Он ничего не понимал. Эта женщина пока оставалась для него загадкой. Но какая женщина может быть для мужчины творческого (да любого!) желанней загадочной? Только еще более загадочная. Как Надежда.

Вначале она показалась Пругову наивной простушкой, начитавшейся его детективов и случайно познакомившейся с самим автором(!). Чуть позже она предстала перед ним в роли искусительницы, кстати сказать, не слишком опытной, решившей сбежать от мужа-тирана и поразвлечься на стороне и оказавшейся, в конце концов, банальной динамщицей. Потом он подумал, что у нее не все дома. А как о таком не подумать, если Надежда всерьез принялась рассуждать о том, что?.. Бред! Конкретный бред сумасшедшего.

А после произошло и вообще нечто странное...

Они еще посидели какое-то время на камне, но курить хотелось безбожно. Кроме того, натянутость в дальнейшей беседе и какая-то нереальность происходящего требовали смены обста-

новки. Это понимал он, и понимала Надя. И они пошли к народу.

Гроты были уже обследованы туристами, тем более что все они оказались короткими, метров десять глубиной, не больше. Только ребячьи, их было на берегу душ восемь, продолжала играть в пиратов, хоббитов и прочих сказочных персонажей и героев приключенческих романов. Пругов с улыбкой наблюдал за детьми, изредка всхлывая, а Надежда жалась к его плечу и молчала.

– Давай, я буду Томом Сойером, а ты Бэки, – предложил белокурой девочке с косичками ее спутник – пацан лет девяти в морской тельняшке и в берете с помпоном, и тоже белобрысый. – Мы вместе заблудимся в пещере.

– Лучше поиграем в гномов, Санек, – не соглашалась девочка. Чем-то они были похожи друг на друга.

– Но почему?

– Будем гномами. Спрячем, и будем охранять сокровища.

– Какие сокровища, Оля? Где ты их возьмешь?

– Уже взяла. Вот. – Девочка показала ему полиэтиленовый пакетик с разноцветными камешками и осколками морских раковин.

– А я хочу в Тома Сойера, – капризно упрямялся Санек.

– Мы не можем быть Томом и Бэки.

– Почему?

– Потому, что они в пещере целовались. В губы.

– А ты откуда знаешь? Мама про это не рассказывала.

– Я книжку читала.

– А-а-а, книжку... Ну и что? Ну и что, что целовались?

– Ничего! Я твоя сестра и целоваться в губы нам нельзя. Старшая сестра, между прочим.

– Подумаешь, старшая! На пять минут всего. У-у-у, Лелище!

– Все равно. В Тома Сойера мы играть не будем.

– Тогда... тогда я предложу стать Бэки вон той... с косичками, – Санек показал пальцем на смуглую девочку лет пяти-шести, стоящую в отдалении и с любопытством наблюдающую за спором, происходящем между братом и сестрой.

– Ну и иди! – Лелище дернула плечиками и пошла к морю.

Пругов повернул свою улыбку к Надежде, и улыбка моментально сползла с его губ – в глазах, снова ставших серыми, была пустота. Застывший взгляд мертвых глаз.

– Что с тобой?

Надя сильно сжала веки и тряхнула головой:

– Нет, ничего... Такое со мной иногда случается. Последствие дорожного происшествия... Старая травма. – Она потерла виски и улыбнулась, но через силу. – А у тебя есть... дети?

– Сын. Прости, а травма серьезная?

– Была серьезная. Но уже давно все прошло. Здесь...

Надежда отвела пальцем с виска темную прядь волос, и Пругов увидел маленький белый шрамик, похожий на звездочку. И еще один чуть выше, вертикальный – он терялся в волосах.

– Давно все прошло, – задумчиво повторила Надежда. – Но иногда немного клинит... Ты рассказывал о сыне.

– Да, о сыне. Сын живет в Америке. Он туда со своей мамой уехал. Ему девять лет тогда было. Потом Станислава вышла замуж, и у Сергея появился приемный отец.

– Твою жену зовут Станиславой?

– Бывшую жену, – уточнил Пругов.

– Ну, да... Станислава, – нараспев произнесла Надежда. – Очень красивое имя. Станислава. Стася... Пстой! Я вспомнила. Когда ты уронил зажигалку, ты сказал: «Стася». А я не поняла. А теперь... Ты принял меня за нее? Ты по-прежнему любишь жену?

– Нет, – покачал головой Пругов и снова уточнил: – Бывшую. Бывшую жену я не люблю.

Надежда очень внимательно посмотрела Пругову в глаза.

– Нет, честно. Не люблю, – улыбнулся он. – Уже не люблю. Уже давно не люблю, даже не вспоминаю. – «Господи ты, боже мой! Я оправдываюсь!». – Но ты права. Вы немного похожи. Глаза. У нее тоже синие глаза. Когда я увидел тебя, подумал, Станислава. И сказал... Но потом тут же понял – она не ты... То есть ты не моя жена... Тьфу, не Станислава... Прости, запутался.

– Верю. – Было неясно: верит ли Надежда, что он запутался, или верит, что разлюбил Станиславу и, как уверяет, уже давно. Так или иначе, она решила вернуться к первоначальной

теме: – И что сын? Он не собирается возвращаться на родину?

– У него там, в Америке, все: работа, друзья, любимая женщина. Теперь для него Америка – родина. Он уже взрослый. Кстати, лет ему столько же, сколько и тебе. Двадцать девять. Вы с моим Серегой одногодки.

«Господи! О чем я говорю? Старый осел! Хочу затащить женщину в постель и сообщаю ей, что она – ровесница моего сына...»

– Вот как? – глаза Надежды стали холодными. Не мертвыми, как минуту назад, а холодными и немного злыми. – Интересно... А почему твой сын, Сергей, уехал в Америку, а не остался с тобой в России?

– Это сложный вопрос...

– А что в нем такого сложного?

– Понимаешь... в то время я был никем. Только начал писать. Писал и не издавался. Денег не было... И отец-пенсционер. Но не в этом дело. Вернее, не только в этом. Для Сереги Станислава – мама. Он ведь и ее сын тоже, и он любит ее. Как я мог не отдать сына его же матери?

– А тебя?

– Что – меня?

– А тебя он любит? Твой сын.

– И меня. Наверное...

Это прозвучало крайне не убедительно. Надя криво усмехнулась и сказала:

– Я бы не отдала. Ни за что. Со мной бы остался, будь я хоть нищенкой.

– Вот видишь! И Серега остался с мамой.

Надежда бросила на Пругова изумленный взгляд, который говорил красноречивее слов: «Ну, ты и дурак, Андрюшенька. Я совершенно не то имела в виду».

– Надя...

– Да?

– Странный у нас с тобой разговор получается... Допрос какой-то. С пристрастием. Что за эмоции? Я что-то не то сказал? Не то, что ты ждала? Извини, но это моя личная жизнь. И я прожил ее так, как прожил. И не стыжусь своих поступков и решений. Что сделано, то сделано. Изменить что-либо – не в нашей власти.

– Это вы правильно сказали, Андрей Олегович, – усмехнулась Надя.

– Андрей Олегович?

Надя не ответила.

– Надя, что случилось?

– Ничего.

– Тогда почему на «вы»?

Надежда молчала, смотрела на море. Матросы готовили шлюпки к возвращению на яхту. Пора домой, в отель.

Пругов понял, что ответа не будет.

...Вован Коваленко что-то говорил Пругову, постоянно повторяя: «Ну, класс!», но тот только кивал, убедительно делал лицо заинтересованным, а сам думал о Надежде.

Ему казалось, что и она в эту минуту думает о нем. Во всяком случае, он на это надеялся. Надеялся, уже не задавая себе вопроса – а нужна ли ему она? Он знал: нужна. Пругов по-прежнему хотел ее, но не только ее тела, Надежда заинтересовала его как человек.

Когда она заявила ему, что они умрут в один день, Пругов посчитал ее сумасшедшей и только сейчас понял: Надя – это женщина, живущая иной жизнью, не укладывающейся в общепринятые рамки.

Тайна. Загадка. «Вещь в себе».

Мысли Надежды – продукт нестандартной логики, оттого и поступки странны и непредсказуемы. То она зовет его к себе или молча ожидает, что он сам подойдет и на что-то решится, то отталкивает от себя. То кажется простой и доступной, то замыкается, словно в раковину прячется, становится холодной и далекой. Посторонней. Хочет знать о нем все, а сама не рассказывает почти ничего. А то, что рассказывает, – правда ли это? Или выдумка? Может, она взяла да и придумала свою жизнь? И не только свою, а жизнь вообще? Читала книги, сидя взаперти и не видя реальности, происходящей совсем рядом, но от которой она отгорожена дверцей своей клетки, придумала свою реальность? Изобрела ее. А может быть, все намного проще, и он, Пругов, напрасно забивает свою голову мыслями о странностях этой женщины? Может, в самом-то деле, такое ее поведение и эти слова об одновременной смерти – следствие аварии, о которой она обмолвилась?

Может, она «вещь не в себе»?

Но нет, не похожа Надежда на сумасшедшую. Любой писатель обязан

быть отчасти психологом. Ведь он пишет о людях, стало быть, должен понимать их, понимать, о чем пишет. Если писатель не разбирается в душевном состоянии, более того – в душевном здоровье реальных людей, то и персонажи его неинтересны и неправдоподобны, словно вырезаны из картона. Тогда он не писатель, а графоман.

Нет, у Надежды имеется какая-то тайна. Она сама – тайна.

Почему она замкнулась? Там, в бухте. Что повлияло на ее настроение? Его поступок двадцатилетней давности – отказ от сына? Или то, что он рассказывал про Серегин возраст?

Или что-то другое?

Она сказала: «Мы умрем в один день...»

Это означало: «Мы будем жить вместе, долго и счастливо, деля радости и печали, и умрем в один день...»

Лучик не унимался – со щеки он переполз выше, к сомкнутым векам, и стал настырно протискиваться в щелки глаз.

Пругов проснулся, и сразу вспомнил:

«И от этого никуда не деться. Ни тебе, ни мне»

Он решил, что не спал. Ведь с этим словами Надежды он уснул.

Нет, спал, понял, взглянув на окно. За шторой – турецкое утро. Пругов посмотрел на часы. Туманное облачко из пузырьков затянуло весь циферблат, но он разглядел – пять сорок. Рано, но сон ушел, нужно было подниматься, валяться в постели Пругов не любил.

Время завтрака – с восьми тридцати до десяти. Но в ресторан можно было прийти и раньше. Туристы, отъезжающие на экскурсию, могли позавтракать в семь. И даже в шесть – те, что отъезжали на дальнюю экскурсию.

Спускаясь по винтовой лестнице на первый этаж в ресторан, Пругов думал:

«Я больше никогда не увижу Надежду. Названия ее отеля я не спросил. В сущности, я о ней вообще ничего не знаю – ни фамилии, ни города в России, в котором она проживает со своим нелюбимым мужем – ничего. Только имя да то, что она ровесница моего Сереги. Ничего больше. И наверное, это к лучшему. Через неделю улечу домой и забуду о своем неудавшемся турецком романе».

И тут же понял, что обмануть себя ему не удастся. Сейчас он позавтракает и поедет ее искать. Зачем? Для того, чтобы разгадать тайну. Даже не разгадать, а выяснить. Найти Надежду и все выяснить. А вот куда? Где он будет ее искать?

В огромном зале ресторана, кроме Пругова, находился молчаливый господин зрелых лет, который сидел и читал журнал, изредка отхлебывая из чашки черный кофе и тут же делая глоток воды из высокого стакана, и семья, состоящая из трех человек – муж, жена и сынишка. Любитель кофе с водой был мало похож на русского, а семейка – конкретные россияне. Главе семейства было лет за тридцать; он был рослый и плечистый, весь в белом, а на загорелой богатырской груди, плавно переходящей в живот, на котором не сходилась рубашка, а потому была распахнута, висел православный золотой крест размером в раскрытую ладонь комбайнера. Жена мало отличалась от мужа комплекцией, а в некоторых местах превосходила его. Глубокое декольте хвастливо рассказывало всему миру о том, что найти бюстгальтер для обладательницы этих двух гигантских объектов цвета шоколада без молока – немалая проблема, и солнца для того, чтобы они, эти объекты достигли подобного оттенка, требуется очень много. Сынишка, напротив, был худеньким и щуплым и практически, незагорелым. Совершенно не похожий на упитанных родителей, он казался их внуком, или вообще – чужим. Но всё-таки был их сыном.

– Ешь Сеня, – басом говорил россиянин с крестом на пузе. – Тебе мышечную массу набирать нужно.

– Ешь, ешь, сыночка, – вторила мужу обладательница пышных форм. – Кушай. За все заплочено. Чтобы все съел. Не съешь – сама тебе в рот запишаю!

– Да не могу я, мамочка! – чуть не плакал Сеня. – Не хочу еще.

Перед ребенком стояла тарелка, на которой лежало шесть вареных яиц. Была и вторая тарелка – с сыром и отвратительной турецкой колбасой из сои. И третья – с набором всевозможных овощей. Шведский стол в турецком отеле.

– Ешь, кому сказала! В дороге про-

голодаешься – покупать ничего не буду. Мы здесь за все заплатили. Здесь и ешь.

– Не проголодаюсь.

– Обещали на полпути остановиться и похавать дать, – сказал отец, густо намазывая безвкусное сливочное масло на изумительно вкусную и хрустящую турецкую булку.

– Дадут, не дадут – кто его знает? А это все пропадет? Хренушки! Я лучше с собой заберу. – Мамаша достала из пластикового пакета, который стоял у ее ног-тумбочек, полиэтиленовый мешочек и принялась складывать в него все со стола.

– Good morning.

Это поздоровался юноша-официант в ослепительно белой рубашке, черных отглаженных брюках и строгой черной бабочке, заинтересованный происходящим за столом и желающий спросить у колоритной семейки, нет ли каких проблем.

– Чего? – не поняла пышная дамочка.

– Good morning, – повторил официант. – Problems?

– Какой тебе «гутмоник»? Поздороваться желаешь, так и скажи: здравствуйте, господа русские. Понял? Ну-к скажи: здрав-ствуй-те.

– Здря-туй-те, – послушно повторил официант.

– О! А то «гутмоник» какой-то! А еще: доб-ро-е ут-ро.

– Доб-ри ут-ро.

– Ну что, получается. Давай, иди, тренируйся. Учись правильно говорить, а то: «гутмоник»...

Юноша ослепительно улыбнулся и остался стоять.

– Иди, иди, – махнула на него «учительница» русского языка, – вали на фиг!

– Валинафик, – повторил «ученик».

– Правильно – вали на фиг. Ну ладно, иди. Иди же, чё встал?

Турок понял, что ему предлагают уйти, снова улыбнулся и отправился за стойку.

– Эй, халдей! – окликнула его практичная мадам. Официант понял, что это ему и, повернувшись, улыбнулся, приветливо приподняв брови. – Со своими «проблемсами» мы сами справимся. Иди, русский язык учи.

Наскоро позавтракав, Пругов позво-

нил Хасану, гиду, закрепленному фирмой принимающей стороны за группой русских туристов, проживающих в этом отеле.

– Здравствуйте, Хасан. Это Пругов.

– Здравствуйте, Андрей. Турфирма ТТА tourism, которую я имею честь представлять, приносит свои извинения по поводу не слишком удачной вчерашней прогулки на яхте. Такая мерзкая погода...

«Молодцы турки, – отметил про себя Пругов. – Контролируют ситуацию. Но если бы я не позвонил, то никто бы и не извинился. Впрочем, за что здесь извиняться?»

– Такая погода – большая редкость на побережье Эгейского моря в данное время года, – продолжал Хасан. – Кто мог ожидать? В качестве компенсации за невольные причиненные неудобства мы готовы персонально для вас, Андрей, улучшить сервис вашего обслуживания в отеле. Горничные отеля будут производить уборку в вашем номере не ежедневно, как они это делали раньше, а два раза в день. Вплоть до вашего отбытия из отеля.

– Спасибо, Хасан, но меня вполне устраивает уровень сервиса и частота уборок. Ваши девочки-горничные прекрасно справляются со своими обязанностями. Да я и не мусору особо. Вторая уборка мне совершенно ни к чему.

– Но... – Хасан, по-видимому, был крайне озадачен его отказом и мучительно размышлял над тем, какую бы дополнительную халяву предложить взамен отклонённой.

– В принципе, я звоню вам не для того, чтобы высказывать претензии, – помог ему Пругов. – У меня есть просьба.

– Вот как? Я очень внимательно вас слушаю, Андрей.

– Не могли бы вы дать мне список русских туристов, которые вчера были на яхте? Я имею в виду тех, кто проживает не в нашем отеле.

– Список? Но... понимаете ли, это в некотором роде конфиденциальная информация...

– А я и обращаюсь к вам в некотором роде конфиденциально.

– Кроме того, я не обладаю этой информацией в полном объеме. К каждой группе русских туристов прикреплен свой гид. А это значит...

– Я понимаю, что это значит, и потому готов оплатить ваши расходы. Пятидесяти долларов хватит?

Молчание в трубке было весьма красноречивым. Пругов представил, как скривилось лицо Хасана.

– О, простите, я оговорился. Сто. Конечно же, сто долларов.

– Я позвоню вам, Андрей. А еще лучше, отправлю факсимильное сообщение на ресепшен отеля. Думаю, к обеду информация будет у вас.

– Очень хорошо. Спасибо.

Так. Значит, ехать в такси по маршруту долмуши, останавливаясь у каждого отеля, и искать иголку в стое сена не придется. Но до обеда еще целых шесть часов. С ума сойти!

На пляж! Куда еще?

На пляже практически все лежаки были свободными.

В такую рань на море шли только русские; для европейцев время принимать воздушные, солнечные и водяные ванны ещё не наступило. Их, европейцев, распорядок дня казался Пругову диким. Едва продрав глаза ко второму завтраку, не накрашенные и потому совсем не красивые дамы и их непричесанные джентльмены с помятыми заспанными лицами долго и не торопясь ели протертые супы, смахивающие на клейстер (эти супы Пругов терпеть не мог, хотя ни разу их не попробовал), пили кофе и вели нескончаемые мурлычные беседы. В эти часы они были вареными, потерявшими свои эмоции или припрятавшими их до поры до времени.

Потом господа европейцы разбредались по номерам, а через час-другой, когда солнце уже стояло в зените и щедро поливало все вокруг ультрафиолетом, шли к воде. При этом далеко не все отправлялись на пляж, большинство отдыхающих устраивались у бассейна, но окунались в него редко – все больше валялись на лежаках и коптились на солнце, не боясь онкологических заболеваний и прочих напастей, вызываемых перегревом и жесткой радиацией.

Пругов недоумевал – зачем ехать к морю, чтобы провести отпуск у бассейна? У них там, в заграничах, у каждого свой бассейн имеется. Ну, не у каждого, конечно, – у многих.

Чуть не все дамочки нерусского про-

исхождения принимали солнечные ванны топлес – титьками вверх. Титьки у подавляющего большинства были не то что так себе, они были совершенно ужасной формы и ветхими – дряблыми и отвисшими, как уши спаниеля. Естественно, кое-кто из представительниц прекрасного пола обладал силиконовыми прелестями, но вид этих округлых холмов, похожих на половинки футбольного мяча, не вызывал у Пругова сексуального трепета и желания пощупать. Силикон хорош, считал он, когда женщина в лифчике и когда она стоит или сидит, а когда без него да еще и лежит – груди кажутся мертвыми. Вообще, лежаки с обнаженными «красотками» напоминали ему ряды каталок в морге, куда он с Гришкой Иваницким заглянул как-то в порядке приобретения необходимых для очередного романа впечатлений.

Всегда, проходя мимо бассейна, Пругов старался не смотреть на лежаки и как можно быстрее проскочить это место, вызывающее у него столь неприятные ассоциации.

Обеденное время европейцы обычно пропускали, компенсируя несъеденный обед пастой, пиццей, омлетом и гектолитрами вина и пива из сэк-бара, расположенного тут же, рядом с бассейном. Получив избыточную дозу солнечной радиации, возвращались в номера и вылезали на свет божий только к вечеру. Вот тогда и начиналась у них активная жизнь. Сначала уже мал-мал приведшие себя в порядок с помощью косметики нерусские дамы и причесавшиеся джентльмены часа два-три сидели в ресторане, поглощая море всевозможных продуктов со щедрого турецко-шведского стола. Если много, а пили умеренно, оставляя место на потом. «Потом» начиналось практически следом за посещением ресторана. Объединившись в компании, шли в бар. Играли в карты, пили, очень громко разговаривали, а хохотали совсем громко и неприлично. После бара, прихватив спиртное, гурьбой шли в номера и продолжали там свое веселье.

На следующий день все повторялось...

Пругов оттащил лежак в тень сплетенного из лозы зонтика, бросил на изголовье пляжное полотенце и, раздев-

шись, вошел в море. Вода еще не прогрелась с ночи и была прохладной. Прохладной, но не холодной. Пругов нырнул, ощутив, как по спине, рукам, ногам – по всему телу – пробежали и одновременно взорвались мириады воздушных пузырьков. Вынырнув, он тряхнул головой и вспомнил Вованово: «Ух, класс!», и повторил эти слова вслух: «Ух, класс!» И как-то воровато и смущенно огляделся – не слышал ли кто? Но на пляже было мало людей, а там, где он стоял по пояс в воде, вообще никого.

Заплывать далеко почему-то не хотелось; Пругов минут пять поплавал вдоль берега и, выйдя из воды, направился к лежаку. Придвинув поближе глиняный горшок-пепельницу, он закурил первую утреннюю сигарету. Пругов много курил и пока бросать не собирался, но здесь, на отдыхе, взял за правило – натошак не курить и как можно дольше оттягивать момент, когда он вдохнет первую порцию дыма. Первая сигарета всегда казалась самой вкусной. Правда, вторую сигарету Пругов закурил буквально минут через десять, потому что одной оказывалось мало. Зависимый от никотина организм требовал интоксикации.

Оказалось, что лежать на лежаке да еще в тенечке совсем не жарко – жар солнечных лучей компенсировался утренним морским бризом, охлаждающим кожу, покрытую капельками воды. Пругов лежал, курил и наслаждался покоем и относительной тишиной. Он смотрел на море. Вдали из туманной утренней дымки проступали контуры греческого острова Самос. Море было совершенно спокойным, только у берега, метрах в десяти от него возникали низкие длинные барашки, и волны, выдерживая четкий интервал, накатывали на берег, лениво шурша мелкой прибрежной галькой. Под звуки моря Пругов задремал.

– Мы будем жить вместе долго и счастливо, деля радости и печали, и умрем в один день.

– Откуда ты это знаешь?

– Знаю...

– Нет, ответь.

– Знаю – и все.

– А ты это не придумала?

– Придумала. Но все будет так, как я сказала.

– Откуда такая уверенность?

– Это неизбежность. Судьба. Наша с тобой встреча была предрешена свыше. Но даже не в этом дело: то, что мы будем вместе, – это я так решила. Решила – и все.

– Решила? И за себя, и за меня?

– Но ведь и ты хочешь того же самого.

– Я? С чего ты взяла?.. Да, хочу. Прости. Ты совершенно права, хочу. Может быть, сейчас, именно сейчас, я хочу того, чтобы ты всегда была со мной рядом, больше всего на свете! Но ты же знаешь – не всегда получается то, что мы хотим, и так, как мы решили. Наши желания зависят от многих причин. У тебя муж. Ты не любишь его, но зависишь. И от него, и, наверное, от чего-то еще. Ты говорила, что пыталась уйти...

– Сбежать.

– Да, сбежать. Пыталась сбежать, но не сбежала. У тебя ничего не получилось...

– Сейчас получится. Мне некуда было бежать. Теперь я знаю, теперь мне есть куда бежать. А вернее, к кому. К тебе. Я сбегу к тебе.

– Но я еще сам не определился. У меня есть Наталья...

– Это та, с большими сиськами?

– Все-таки обиделась?

– А ты бы не обиделся, если бы я сказала, что у моего мужа...

– Прости. Я глупость тогда сполрол. Вспылил, как пацан, когда ты назвала ее резиновой. Но ты совершенно права, она резиновая. Нас ничего не объединяет, кроме секса.

– Ну, вот видишь! Значит, я лучше.

– Лучше. Хотя... А что нас с тобой объединяет? Я же о тебе толком ничего не знаю.

– Я расскажу тебе.

– Конечно, расскажешь. Но мы отошли от темы.

– По поводу причин, не позволяющих нам быть вместе и умереть в один день? Ну что ж, продолжай.

– Понимаешь, иногда мы планируем что-то, думаем, все будет так, так и вот так. А на деле получается, что неожиданно на пути встает некая глыба проблем и... изменить что-либо не в нашей власти.

– Я помню. Ты говорил.

– Я?.. Да, правильно, говорил, но тогда я говорил о другом.

– Слова те же. Одно в одно. Ты – прагматик, Андрюшенька. Прагматик и одновременно – фаталист. Противоречивая личность, одним словом. То есть двумя... Это не мои слова, я не говорю так обычно. Эти слова я в книжках вычитала. В умных книжках, которые ты написал.

– Ты тоже фаталистка, если утверждаешь, что наша встреча была организована высшими силами.

– Да, фаталистка. Но я фаталистка со знаком плюс, а ты – со знаком минус. В этом вся разница.

– Плюс на минус дает минус.

– Это, по-моему, что-то из физики? Да, я помню – плюсы, минусы, разноразряженные частицы. Они, кажется, притягиваются?

– Притягиваются.

– Вот и нас тянет друг к другу.

– Ты права. Меня тянет к тебе. Я хочу тебя. Я... Ты знаешь, когда мы расстались, вчера, после прогулки на яхте, ты уехала с мужем, а я... Тогда я понял. Нет, сначала я ничего не понял, но потом... Надя, кажется, я влип. Нет, не кажется. Я тебя...

– Не надо. Пока не говори этих слов. Потом. Не сейчас.

– Опять «не сейчас»? Опять «потом»? Не могу больше с этим соглашаться, не могу этого принять и понять!

– Я – загадка. Я – «вещь в себе».

– Надежда!

– Лучше закажи мне кофе. Со сливками и три кусочка сахара...

Край дырчатой тени от зонтика сполз с лица, и Пругов проснулся. Море по-прежнему шелестело галькой, а народа на пляже прибавилось. Да что там прибавилось! Пляж был полон, все свободные лежаки оказались занятыми. Кое-кто лежал на песке, расстелив пляжные полотенца.

Пругов попытался переместить свой лежак в тень, но большая её часть была уже занята соседями. Вздохнув, он опустил руку, намереваясь взять сигареты, и к своему превеликому изумлению не нашел пачку. Вот здесь они лежали, на футболке и шортах, аккуратно сложенных и лежащих на сланцах. На всякий случай он проверил нагрудный

карман футболки, единственный (в шортах карманов не было), и даже заглянул под лежак – нет сигарет. Здорово! Стырили. Вот тебе и заграница! Как в России – ухо держи остро и варезку не разевай.

Пачку «Кента», полную, без одной сигареты, наверняка стырили его соотечественники. Россияне, понимаешь!.. Ну не эта же чета пожилых англичан на лежаках справа! И не эта веселая компания французов слева от Пругова. Зажигалку, кстати сказать, тоже стырили. Недолго у него «прожил» подарок Вовы Коваленко! Слава богу, часы не сняли. Ого! Время-то к обеду.

Лицо дежурного на ресепшене оказалось Пругову похожим на фоторобот.

– Господин Пругов. На ваше имя пришло факсимильное сообщение.

Пругов с легким внутренним трепетом принял из рук дежурного листок факса с неровно оторванным краем, протянув взамен бумажный доллар. Читать текст сообщения под прицелом внешне безучастных, но на деле скрытно-заинтересованных глаз фоторобота он не стал, сложил листок вчетверо и сунул в карман футболки.

– А в баре отеля вас ожидают, – монотонным голосом сообщил дежурный, когда Пругов уже намеревался отойти от стойки.

– Вот как? – Пругов повернулся к дежурному. – И кто?

– Ваша соотечественница. – Из-за пелены равнодушия, натянутой на глаза портье, проглядывало любопытство.

– В снэк-баре? – уточнил Пругов, думая лишь об одном – как бы не рвануть с места в карьер. Это было бы чересчур по-мальчишески.

– Нет. За вашей спиной.

Пругов обернулся и столкнулся со смеющимся взглядом синих глаз.

– Как ты меня нашла?

– Я нашла тебя отдохнувшим после вчерашней прогулки.

– Как ты меня разыскала? – Пругов улыбнулся и переиначил вопрос.

– Ха! Элементарно, Ватсон! – от вчерашнего плохого настроения Надежды не осталось и следа. – Я же видела, в какой микроавтобус вы со своим плотным приятелем садились. Вова, кажется? Ты у него зажигалку брал.

– Этой зажигалки больше нет.
 – Опять в море уронил?
 – Украли... А плотного приятеля действительно зовут Вовой. Вова Коваленко. Только он мне не приятель. Просто живем в одном отеле и на одном этаже. Номера напротив.

– Значит, ты садился в автобус с соседом. Так вот: рядом с автобусом стоял водитель, а у водителя в руках была табличка «Отель GRAND STAR». Я не воспринимаю английский язык на слух и не умею говорить по-английски, но буквы-то я знаю.

– Да, конечно... Я не подумал, не догадался.

– Странно. Вы, мэтр? Вы – автор тридцати двух детективов? И не догадались?

«А ведь и правда, – подумал Пругов с улыбкой, – она прочитала меня всего. Вернее, если быть точным: прочла все, что у меня издано, а именно – тридцать два детективных романа под именем Андрей Костров (в выходных данных – Андрей Олегович Костров)»

– Тридцати шести, – поправил он Надежду.

– Как – тридцати шести? – казалось, что Надя расстроилась.

– Четыре первых романа мне опубликовать не удалось. Я тогда был совершенно не известен в писательских и издательских кругах, меня никто не хотел издавать, даже рукописи читать отказывались. Вроде бы и вещи были неплохими – так мне казалось тогда – но никто не хотел их печатать. Только на пятом романе мне повезло.

О своем последнем романе Пругов даже вспоминать не хотел.

– А сейчас? Сейчас ты известен и знаменит. Почему бы тебе сейчас их не издать?

– Когда читаешь что-то, написанное тобой ранее, кажется, что это – полная ерунда, бред и несусветная чушь. Даже стыдно порой становится. И удивляешься – неужели это ты написал? Язык корявый, как в сочинении пятиклассника, герои неинтересны и совершенно не похожи на живых людей, сюжет притянут за уши, события надуманы, в жизни такого случиться никогда не может. Но главное – это, конечно, язык. Со временем он становится другим.

– Ну, не знаю. – Надя пожала пле-

чами. – Я прочла тебя всего... – И спохватилась: – То есть все опубликованные романы; и мне показалось, что язык у тебя одинаково хорош во всех тридцати двух. Мне бы очень хотелось прочитать те четыре... Представляешь! Я буду единственная, кто их читала. Или не единственная?... Кстати, тебя со мной не застывают?

– Кто?

– Ну..., кто-нибудь с большой грудью.

«Так, – подумал Пругов. – За свою глупость я уже извинялся. Извиняться вторично – еще большая глупость. Стоп! Это же во сне было. Я перед Надеждой извинялся во сне».

Тем не менее просить у Нади прощения он не стал. Но почувствовал, что краснеет.

– Ее нет. Она... на другом краю света.

– Тоже сбежала от тебя в Америку?

– Нет, отдыхает в Таиланде.

Надя сделала гримаску и промолчала.

– Ее нет, – повторил Пругов. – И наверное, вообще больше не будет.

– Почему?

«Потому, что я встретил тебя», – мог сказать Пругов, но не сказал.

– Выпьешь что-нибудь? – предложил он.

– Кофе.

– Со сливками и три кусочка сахара?

Надежда подняла на него удивленные глаза.

«Какие же они синие!» – подумал Пругов.

– Почему три? Тут только два дают, – возразила Надежда.

– Это в «Аэрофлоте» дают два кусочка в обертке, здесь можно брать сколько хочешь.

– Тогда мне один кусочек и никаких сливок. Я всегда пью черный.

Когда он вернулся с двумя чашечками кофе, Надя курила.

– Угостишь мужчину сигареткой? – пошутил он.

– У тебя и сигареты украли?

– Ага. Вместе с зажигалкой.

– Кури. – Надя подвинула в его сторону пачку. – Не жалко. А почему Пругов? Ведь ты – Костров.

– Ха! – Пругов попытался сымитировать смешок Надежды, но получилось

пошловато. – Извини, что не предупредил. Я же не предполагал, что ты будешь меня разыскивать.

– Мог бы предположить, – обиделась она. – Я как дура спрашиваю у портье: в каком номере проживает господин Костров? А он мне: у нас таких нет. Я уже решила, что перепутала название отеля. Может, не «Гранд Стар», а «Голд Стар»? На этом побережье и тот и другой имеются. Хорошо, догадалась взять с собой... – Надя потянулась за сумкой, стоящей у ног и поставила ее на колени, вытащила из сумки книгу. – Вот. Твоя фотография. Я – молодец, правда?

«Мой последний роман. Не тот, естественно, что у редактора. Последний изданный, который совсем недавно появился на прилавках».

– Молодец, – с улыбкой на лице согласился Пругов. – Ты даже не представляешь себе, какая ты... молодчина!

– Так о чем ты забыл меня предупредить? – напомнила Надежда.

– Костров – мой литературный псевдоним. А по жизни и по паспорту я – Пругов.

– Вот как? А почему ты печатаешься под чужой фамилией? Почему не под своей? Разве Пругов плохо звучит?

– Костров тоже моя фамилия. Отчасти. Если не по закону, а по совести.

– Как это?

– Кострова – девичья фамилия моей мамы, – стал объяснять Пругов. – Мама умерла в ту минуту, когда я появился на свет. Она умерла, дав жизнь мне. Я рассказывал тебе.

– Помню.

– Получается – я живу вместо нее. А значит, имею право иногда называться ее фамилией.

– Да? – Надя подняла искусно выщипанные брови, потом нахмурилась, задумавшись и образовав тоненькую и остренькую складочку на лбу.

Пругов закурил и взял в руки свою книжку. На задней стороне обложки имелось его фото. Он сидел в полутьме кабинета на своем жестком рабочем кресле, руки зависли над клавиатурой ноутбука. В губах сигарета, дым тонкой струйкой тянется вверх. Лицо какое-то злое – это от морщин, резко падающих от крыльев слегка горбатого носа на края широкого подбородка. И

от напряженного взгляда в пустоту. И от мускулистых залысин. Нет совершенно ничего, что может понравиться молодой женщине. Урод, да и только! Мефистофель облезлый!

– Наверное, ты прав, Андрюша, – задумчиво произнесла Надя. – У каждого из нас две фамилии. А иногда и больше.

– Пругов – тоже хорошая фамилия, – сказал он. – Мой отец – порядочный и довольно заслуженный человек. Очень известный в своей области. Он был инженером, всю жизнь проектировал заводы и фабрики. И эта фамилия – Пругов – довольно часто встречается в технической литературе. Вот там она совершенно уместна. Отец сделал свою фамилию известной, а я делаю известной фамилию мамы. Кроме того, есть еще такое понятие, как звучность фамилии писателя. Костров. Красиво и звучно. А Пругов... тоже звучно и тоже красиво, но мне кажется, что в этой фамилии есть какая-то упертость.

Надя улыбнулась и, потянувшись через столик, беззастенчиво пощупала его бицепс:

– Я бы сказала – упругость.

Пругов тоже улыбнулся.

– Я знаю одного писателя. Настоящая его фамилия – Костратис.

– Грек?

– Русский писатель с литовскими корнями. Фамилия Костратис вызывает определенные ассоциации. В русской разговорной речи «о» часто произносится, как «а», а потому, слышится «Кастратис». Ассоциация со словом «кастрат». Согласись, для русского слуха не очень благозвучная фамилия.

– А какой была фамилия его мамы?

– Честно сказать – не знаю. Костратис хотел взять псевдоним Костров...

– Такой же, как у тебя?

– ...но поскольку я под этим именем к тому времени уже опубликовал пяток романов, подобное совпадение было бы несколько... Ну..., Костратиса могли бы не так понять. Тогда он стал Огневым.

– Огневым!? А я знаю! Я читала! – по-детски возликовала Надя, захлопав в ладоши.

– Он довольно известен.

– Но пишет всякую ерунду. Не люблю мистику.

– Эта мистика называется фэнтези.

– Да знаю я. Не так сказала. – И

поправилась: – Не люблю фэнтези. Сказки это. И непонятно для кого написаны – для взрослых или для детей? Колдуны всякие, супермены с мечами и арбалетами. Е-рун-да! Ой! Я опять критикую, а ведь Огнев – твой приятель.

– Нет. Приятелем я его не могу назвать. Мы с Огневим-Костратисом просто коллеги. Как и с Донцовой. Я даже не читал ни одного его произведения.

– Почему? – Надя взглянула на Пругова такими наивными, как у ребенка, глазами, что ему стало весело, и он ощутил очередной прилив нежности.

– Не люблю мистику.

– Фэнтези, – поправила его Надежда, и они вместе расхохотались. Проходящая мимо группа немцев не обратила на их хохот никакого внимания – они разговаривали громче, чем смеялись Пругов с Надеждой. По-видимому, немцы шли в ресторан.

Пругов посмотрел на часы.

– Кстати, время-то обеденное. Ты наверняка только завтракала.

– Угу.

– Хочешь есть?

– Угу. Только меня в вашем ресторане обслуживать не будут. У меня браслет другого цвета.

– Я возьму, все, что ты попросишь, сам и принесу, а ты займешь место и будешь его сторожить, – предложил Пругов. – Никто не заметит.

– Нет, это обман. – Надя категорически отвергла его предложение.

– Тогда выйдем из отеля и перейдем дорогу. Там есть ресторанчик, и в нем подают шикарный денэр кебаб и еще более шикарную пастирму. Надеюсь, ты не вегетарианка? Мясо употребляешь?

– Еще как! Но, в такую жару – мясо?

– А что такого? Но если ты не хочешь мяса, возьмем лепешки с сыром или с картошкой. Забыл, как они называются по-турецки.

– Хохлома какая-то.

– Точно, что-то вроде этого. Пошли.

Кёхлеме готовили на заднем дворе ресторана под навесом в виде шатра. Посетителей не было ни одного; точно такой же шатер стоял на территории отеля, и там отведать этих лепешек с начинкой можно было бесплатно – все включено. Молодая улыбчивая турчанка, сидящая на подушке у специальной печи, ни бельмеса не понимала – ни по-русски, ни по-английски, но была само очарование. Пругов начал объяс-

нять ей на пальцах, какую начинку надо положить в лепешки и сколько порций этого популярного в Турции блюда сделать, предварительно решив этот нелегкий, как оказалось, вопрос с Надеей:

– Тебе сколько и с чем?

– Одну лепешку с картошкой, одну с сыром. Нет, лучше две с картошкой. А ты какие будешь?

– Я с сыром, – улыбнулся Пругов.

– Две или одну?

– Думаю, одной мне будет мало.

– Тогда я тоже с сыром. Нет, давай мне все-таки с картошкой. Или так – три с картошкой, три с сыром.

– А ты не лопнешь, деточка? – шуточно спросил Пругов; беззастенчиво и нагло он украл эту глупую, но смешную фразу из телевизионного рекламного ролика.

– Я ж не одной себе, я для нас обоих! – не приняла его шутку Надя. Но не обиделась: – А что? Шесть штук на двоих – нормально. Если свою порцию не осилишь, я доем.

Пругов сделал заказ, нацедил в два пластиковых стаканчика айрана из автомата, гудящего в углу, и направился к ожидающей его Надежде.

– Видать, ты слабо позавтракала, – с улыбкой предположил он, протягивая ей стаканчик, и уселся рядом на жесткие подушки, стоящие по периметру шатра.

– А я сегодня вообще не завтракала, – ответила она и залпом осушила полстакана. – Вкуснотища!

– Аппетита не было?

Надя промолчала.

Турчанка ловко раскатывала длинной тонкой палочкой, выполняющей функцию скалки, кусочек теста, превращая его в тончайшую лепешку. Наблюдать за ее манипуляциями с тестом было интересно. Девушка была смуглая, как, впрочем, и все здешние девушки, маленькая и кругленькая, похожая на хорошо пропеченную сдобную булочку. Ее почти детские темные ручки, припорошенные мукой, управлялись с тестом быстро и уверенно. Она ловко подхватывала тонкую лепешку, переворачивала ее на другую сторону и раскатывала. Подхватывала, переворачивала и снова раскатывала.

– Эта турчанка похожа на сдобную булочку, – тихо сказал Пругов Наде на ухо. – Не находишь?

– Я ревновать буду, – так же тихо ответила Надежда и замерла, ощутив его горячее дыхание за ухом.

Пругов увидел тонкую голубую жилку, бьющуюся на Надиной шее, не удержался и нежно прикоснулся к жилке губами. Надя не отстранилась, только положила ладонь на его руку и очень тихо сказала:

– Она на нас смотрит.

Турчанка и правда изредка бросала на Пругова и Надежду заинтересованные взгляды. Наверняка подобные картины ей приходилось видеть часто. Но все равно – ей было интересно исподтишка наблюдать за ними. Наверное, гадает, подумал Пругов, как это рядом с таким старым и страшным оказалась такая молодая и красивая. Не иначе как из-за денег. А и, правда – как?

– Наденька...

– Что, Андрюшенька?

– Ты не представляешь...

– Как ты рад, что я тебя нашла?

– Ты читаешь мои мысли?

– Нет. Мысли я читать не умею. Просто я тоже рада, что снова вижу тебя. А то, что рад ты, тут и мысли читать не обязательно. Ты все время улыбаешься, и у тебя глаз горит.

– Который? – улыбнулся Пругов.

– Что? – она повернула голову.

– Который глаз горит – левый или правый?

Надежда внимательно посмотрела мужчине в глаза – сначала в левый, потом в правый.

– Оба. Они по-разному горят.

– Ясно. Я похож на идиота с разными глазами, – сокрушенно констатировал Пругов.

– На идиота ты совершенно не похож, – возразила Надежда. – Ты похож на мою мечту. Нет, ты и есть моя мечта. Уже целых пять лет.

– Пять лет?

– Именно тогда, пять лет назад, я прочла твою первую книжку. Не первую, которую ты написал, а первую, которая попала мне в руки. Она называлась... неважно, как она называлась. В той книге не было твоей фотографии. Я стала читать, и мне понравился главный герой. Следовательно...

– Шатохин, наверное, – предположил Пругов. – Макс Шатохин – главный персонаж нескольких моих романов. Девятнадцати, если точно.

– Да, Шатохин. Я читала, читала и вдруг подумала, что это он пишет, Шатохин. Что это он пишет о себе. Что ты пишешь о себе. И подумала, он – это ты. Я читала и представляла себе Шатохина, то есть тебя. И ты знаешь...

– Нет, не знаю.

– Потом я попросила, и муж купил мне еще одну книгу Андрея Кострова. На этой книге была твоя фотография. Я не поверила своим глазам, когда увидела. На фотографии был мой Шатохин. Тот, которого я представила. Один в один. Скажи, он – это ты?

Пругов улыбнулся.

– Отчасти. В каждом из литературных героев есть что-то от автора. По другому не бывает.

– И в отрицательных персонажах?

– И в отрицательных. В них даже больше.

– Как так? Почему?

– О добре писать легче. Добро всегда понятно и недвусмысленно, и оно всегда на виду. Даже если не сразу его видишь, потом понимаешь: это было добро. А со злом все намного сложнее. Оно прячется в глубинах человеческой души и ждет своего часа, чтобы вдруг выскочить и показать себя. А чью душу, как не свою собственную, лучше всего знает человек? Вот и приходится писателю отображать на бумаге свои черные мысли и преступные желания. А иногда зло маскируется под добро. Его надо выявлять.

– Не понимаю! – Надя замотала головой.

– Что ты не понимаешь?

– Ты хороший человек. Я знаю, потому чувствую это. А ты сейчас сказал, что пишешь своих преступников с себя. Если бы ты был плохим, а только притворялся хорошим, я бы знала.

Пругов улыбнулся:

– В каждом человеке есть его светлая и черная сторона. Как доктор Джекил и мистер Хайд.

– А это что за господина?

– У Роберта Льюиса Стивенсона есть такая повесть...

– Стивенсон – это который про остров сокровищ написал?

– Да, тот самый. Так вот... Но я вижу, что первая порция лепешек уже готова. Одна с сыром, одна с картошкой. А об «этих господах», Джекиле и Хайде, я тебе в другой раз расскажу. Ведь у

нас с тобой еще вся жизнь впереди. Сорок лет.

– Это как минимум, – улыбнулась Надежда.

Минут пять из последующих сорока лет их рты были заняты едой. А к тому времени, когда они съели первые две штуки, подоспели вторые – горячие, обжигающие. Пятую и шестую лепешки-кхлеме они взяли с собой – Надя явно преувеличила свой аппетит и не учла реальных размеров желудка.

– Куда пойдём? – спросил Пругов, когда они вышли из шатра. – Ко мне в апартаменты?

– Только для того, чтобы надеть купальные вещи, – с напускной строгостью ответила Надя. – Переоденемся – и на пляж! Будем купаться и загорать! Загорать и купаться!

– Сегодня ты не забыла купальник?

– Я специально взяла его с собой.

– Жалко... Хорошо, на пляж. А потом?

– Что «потом»?

– Потом ты снова меня продаймаешь?

– На этот раз нет. Я обещала, что *это* произойдет скоро, так скоро, что ты не успеешь увлечься другой. Ты же не успел увлечься другой?

– Не представилось подходящего случая. Я с дамами знакомлюсь исключительно на прогулках на яхте по морю.

– Ну вот. А мое «скоро» уже наступило.

К великому огорчению Пругова, купальник у Надежды оказался закрытым.

Но огорчение быстро испарилось, так как и через купальник он разглядел все, что хотел разглядеть. А что не разглядел, то без особого труда додумал. Даже мысленно приукрашивать ничего не пришлось, пропорции Надиного тела были безупречными. Несмотря на легкую полноту, талия оказалась достаточно тонкой, живот плоским, бедра умеренно широкими, а ноги стройными. К гладким покатым плечам хотелось прикоснуться губами и не отрывать их. Впрочем, тот факт, что плечи и руки у Надежды красивой формы и гладкие, он отметил еще вчера в бухте. Ладная Надина фигурка была крайне женственной и ужасно сексуальной, настолько женственной и сексуальной, что Пру-

гов начисто забыл о приличиях, смотрел на нее во все глаза и не мог заставить себя отвести взгляд в сторону.

– Ты так на меня смотришь, что я ощущаю себя голой, – услышал он смущенный Надин голос и с трудом отогнал от себя гипнотическую волну вожделения.

– Прости. Ты... делаешь из меня маньяка.

– Я рассчитывала на другой эффект.

– Смотреть на тебя иначе – выше моих сил.

– Тебе надо охладиться. Ну-ка, бегом в море!

Надя первой вбежала в воду и, совершенно не думая о том, как будут выглядеть ее волосы после купания, нырнула рыбка, как это делают мальчишки, подняв вокруг себя фонтан брызг. Пругов устремился следом.

Пловчихой Надя была неважной, но держалась на воде хорошо.

– Поплыли туда! – Она показала рукой вдаль. Был яркий солнечный день, и берега Самоса были видны отчетливо.

– Куда? В Грецию? Поплыли.

– До Греции я не доплыву.

– Я помогу тебе. Ты будешь держаться за мои плечи, и мы доплывем. Здесь совсем недалеко до греческого острова, – пошутил Пругов, – километров пятьдесят, не больше. К завтрашнему утру доплывем.

– А зачем нам в Грецию? Давай просто отплывем подальше, чтобы никого не было рядом. И все. И поплывем обратно.

– Давай.

Они действительно заплыли далеко. Самос зрительно не приблизился ни на миллиметр, но пляж, который они оставили, превратился в узкую золотистую полоску, только горы позади отеля были большими и казались издали серыми и мрачными. И создавалось впечатление, что они надвигаются. Надежда плыла вперед и не оглядывалась, а когда оглянулась, глаза ее стали огромными, и в них был... нет, не страх и даже не беспокойство, в них было удивление.

– Я никогда не заплывала так далеко... боялась, – тяжело дыша и отфыркиваясь, призналась она Пругову. – Боялась глубины... боялась акул и морских чудовищ... Я трусиха... страшная трусиха... А теперь мне не страшно...

Ни на чуточку не страшно... Потому, что ты со мной... Потому, что я знаю... ты не дашь мне утонуть... Ты меня спасешь... Что бы ни случилось... Ты сильный и мужественный... Ты настоящий мужчина... Я ничего не боюсь, когда ты рядом.

Она говорила, отплевываясь от морской воды, которая попадала ей в рот, но она говорила и смотрела на Пругова с доверчивостью и обожанием, как маленькие дети глядят на своего сильно-го, кажущегося всемогущим отца.

– Да, я рядом, – сказал Пругов и подплыл еще ближе, вплотную, – только ты не говори больше ничего. Потом скажешь. А то нахлебаешься, и мне тебя и впрямь придется спасать. Ляг на спину, отдохни. Я буду тебя держать.

Пругов перевернул Надю на спину и, поддерживая левой рукой, медленно поплыл в направлении берега, гребя свободной правой. Надя помогала ему, подгребая руками и бултыхая ногами, наверное, издали их могли принять за морской велосипед. Она звонко смеялась, не слыша приказов Пругова, произносимых с напускной строгостью. В эти мгновения она была счастлива. Честно сказать, Пругов слегка подустал. Едва его ноги коснулись песчаного дна, он остановился отдышаться. Он отпустил Надю, и она плавала вокруг него кругами по-собачьи, фыркала и продолжала смеяться. Пругов смотрел на нее, ему было легко и радостно. Вдруг что-то щелкнуло в его голове, и он понял, что безумно влюблен в эту женщину. И он не хотел задумываться, почему это случилось. Главное, что это случилось. Пругов поймал Надежду за руку, привлек к себе и жадно припал к смеющимся губам. Поцелуй был долгим и соленым и одновременно сладким.

Они вышли на берег на пляже соседнего отеля и медленно побрели к своему месту по кромке ленивого прибрежья, отдыхая и разговаривая.

– Как тебе удалось сбежать от мужа? – спросил он.

– Ха! Очень просто, ушла – и все, навсегда. И больше не вернусь. Я забрала свой паспорт и билет на обратный рейс. Украла у него ключ от сейфа и ночью, пока он спал... Он всегда крепко спит. Особенно под утро, особенно, когда выпьет и особенно здесь, в Тур-

ции. Думает, что отсюда-то я не сбегу.

– Он будет тебя искать.

– Я оставила записку. Написала, чтобы он не искал. Что я ухожу от него навсегда.

«Наивная!» – подумал Пругов.

– Он все равно станет искать. Я бы на его месте искал...

Надя резко остановилась.

– Ой! Какая я дура!

– Ты – очаровательная дурочка.

– Нет, я просто дура. Он станет искать, ты прав... Мне показалось, что я ушла – и все, и он остался где-то далеко. Это из-за тебя. Я тут с тобой, и мне кажется, что он где-то далеко, в прошлом. Он, правда, в прошлом, но ведь недалеко. Всего в нескольких километрах от этого места. И он будет меня искать, потому что я его вещь. Он не любит расставаться с вещами, к которым привык. Не отдавай меня ему! Слышишь! Если он найдет меня, не отдавай! Ради бога!

– Ну, что ты? Конечно, не отдам, – попытался успокоить ее Пругов, обняв за плечи, и подумал: «Чует мое сердце – дело не обойдется без мордобоя. В принципе это нормально. Цивилизованные переговоры в присутствии адвокатов обеих сторон, занудно-дотошное копание в пунктах брачного контракта, судебная волокита – это не наше, не российское решение треугольного вопроса. У нас все проще и намного эффективнее. Чистим друг другу рожи, и женщина достается победителю. И почти всегда встреча мужа и любовника заканчивается дракой. Или начинается с нее. В любом случае драка неизбежна. Иногда, конечно, бывает, что все спорные вопросы решаются чинно и благородно, но редко. А по западному образцу и того реже – много еще времени должно пройти, чтобы простые мужики и бабы, коих большинство на российской земле, гурьбой свалились в пучину западных либеральных ценностей и чуждого менталитета. Все к этому идет, но... пока главенствует сила... Эх, давненько не приходилось драться! Но ничего, как-нибудь. Не зря же я трижды в неделю хожу в тренажерный зал, да и не забылись еще Гришкины уроки».

Лет пять назад, когда Пругов писал роман о преступлении, случившемся в одной из спортивных школ восточных

единоборств (раскрывал преступление все тот же следователь прокуратуры Макс Шатохин), ему пришлось не только запомнить специфические названия ударов и блоков, но и отработать их физически. Пругов был глубоко убежден – если писатель берется за изложение темы, доселе ему неведомой, он должен изучить предмет своих описаний достаточно хорошо. Присутствие неточностей равносильно лжи. А читателю лгать нельзя, иначе потерять его можно. Навсегда.

Будучи таким принципиальным, он попросил своего приятеля-опера Гришу Иваницкого, обладателя третьего дана по джиу-джитсу, преподать ему несколько уроков. И два месяца ежедневно ходил в спортзал стадиона «Динамо».

– О чем ты думаешь? – из Надиных глаз сквозили напряженность и беспокойство. Возможно, эйфория от ощущения свободы стала потихоньку ее покидать, и она поняла, что просто так муж ни за что не оставит ее в покое, что он будет ее искать, и, когда найдет, произойдет нечто ужасное, то, чего она боялась, потому что очень хорошо представляла себе последствия.

– Я думаю, что если твой муж заявится сюда за тобой, я набью ему морду.

– Он сильный. Ты знаешь, какой он сильный?..

– Ну откуда мне знать?

Пругов вспомнил Надиного мужа. Да, слабаком его вряд ли можно назвать. Когда они с Надеждой совершенно чужими и отстраненными вернулись на яхту, оставленный ею муженёк уже проснулся. По-видимому, у него с похмелья жутко болела голова – вид у мужика был угрюмый, он постоянно морщился и тер виски. Впрочем, вполне возможно, что маска угрюмости предназначалась для постоянной носки, так решил Пругов, внимательно, но осторожно рассматривая соперника.

Лет сорок, может немного меньше. Достаточно высокий и широкоплечий, руки длинные и мускулистые, а пальцы короткие и толстые. Почему-то Пругов обратил особое внимание на ногти – они были плоские, широкие, коротко остриженные, словно вросшие в твердые тупые окончания пальцев и ороговевшие. Типичные руки бизнесмена-ну-

вориша, заработавшего первоначальный капитал на торговле «сникерсами» и жевательной резинкой и ушедшего по мере финансового взросления в джунгли среднего полупулеального бизнеса, так и не ставшего крупным. Конечно, угрюмость Надиного мужа была отчасти вызвана его похмельным состоянием, но только отчасти. В принципе его лицо можно было назвать красивым, если бы не слегка тяжеловатый подбородок, немного выдающийся вперед, и излишне густые брови, сросшиеся на переносице. Именно эти черты лица придавали его облику угрюмый вид и сходство с первобытным человеком. Если бы он попробовал улыбнуться, возможно, такое сходство стало бы менее заметным. Впрочем, некоторым женщинам нравятся такие типы. Им даже нравится жестокость, живущая в глазах их избранников, они принимают ее за мужественность. Когда Пругов случайно встретился взглядом с Надиным мужем, то тотчас уловил во взгляде желтых глаз демонстрацию превосходства знающего себе цену царя зверей – льва – над слабым и беззащитным ягненок.

– Он сильный, – повторила Надя. – Он может убить. Я это знаю...

– Не бойся, я с тобой, а значит, все будет хорошо.

– А мы можем улететь в Россию прямо сейчас? Мы можем поменять билеты и улететь? Прямо сейчас?

– Думаю, что даже купить другие билеты быстро не получится...

Они подошли к своим лежанкам.

– И что мы будем делать, Андрюшенька?

– Ничего. Сначала позагораем, а потом снова заплывем. Ты сама предлагала: будем загорать и купаться.

– Ты шутишь, а я серьезно спрашиваю.

– Если серьезно... Найти тебя непросто. Ведь твой муж не обладает такими дедуктивными способностями, которые есть у тебя, поклонницы детективного жанра. В полицию он заявление не понесет. С чего это вдруг? Жена сбежала – и сразу в полицию? Я не знаю турецких законов, но у нас в России должно три дня пройти с момента пропажи человека, чтобы от того, кто желает его разыскать, приняли заявление.

Надя задумчиво кивнула головой, а

Пругов подумал о том, что ее муженек может запросто обратиться к полицейским или к службе безопасности отеля в частном, так сказать, порядке. За деньги они горы свернут. Но делиться этими мыслями с Надеждой он не стал.

– Скорей всего, – сказал он, – твой муж попытается выяснить в аэропорту, не улетела ли ты в Россию, не сдавала ли билет и не переносила ли дату вылета. Хотя по большому счёту я сильно сомневаюсь, что подобную информацию ему вообще предоставят... Что с тобой? Голова болит?

Надя массировала виски.

– Да, что-то... Напекло, наверное.

– Давай спрячемся от солнца, – Пругов огляделся, – вот в этом ресторанчике. – Он указал рукой на стоящий за границей пляжной полосы открытый павильон, увитый виноградной лозой сверху и с боков.

– Пошли.

Внутри павильона царствовала приятная для глаз полутьма. Крупные розовые грозди винограда висели над их головами.

Из-за стойки выскочил улыбчивый турок в белой рубашке и с белыми, как санфаянс, зубами. Он с ходу определил, что перед ним русские.

– Желаете что-нибудь выпить? Фрукты? – по-русски он говорил практически без акцента. – Меня зовут Мустафа.

– Ваш ресторан находится на территории отеля GRAND STAR, Мустафа. Он входит в систему All inclusive? – спросил Пругов, зная, что не все рестораны и бары, находящиеся на обширной территории отеля, входят в эту систему. Много заведений подобного рода работают за живые деньги. Их владельцы платили отелю определенную мзду, и им разрешалось облегчать кошельки туристов со страшным свистом.

Бармен скорчил гримасу величайшего огорчения и сокрушенно покачал головой. Он выглядел таким несчастным, что можно было предположить, что Мустафа сию минуту закатит глаза, грохнется на мозаичный пол и умрет от огорчения.

– К сожалению, нет, господа.

– А у нас, к сожалению, нет при себе денег.

– Как жалко! Но если вы что-нибудь оставите в залог, а потом принесете деньги, то все будет тип-топ. – Белозу-

бый бармен решил блеснуть своими познаниями в области русского разговорного. – Какую-нибудь незначительную вещь. Одну из сережек вашей дамы, например? – Бармен многозначительно посмотрел на Пругова.

– Это не сережки. Это у моей дамы мочки ушей такой необычной формы, – серьезно ответил Пругов.

– Никакого залога!

Это произнес не бармен, слова прозвучали за спиной Пругова, а Мустафа стоял с открытым ртом, переваривая ответ странного клиента и думая, наверное, что к изучению русского языка надо подойти более серьезно и подналечь в основном на идиоматические обороты. Прежде чем обернуться, Пругов взглянул на Надежду. Та напряженно, с тревогой в синих глазах смотрела поверх его плеча. Веснушки на ее лице словно выцвели и стали светлее загара.

– Господин Пругов? Госпожа Шпиль?

– Это был Хасан, представитель фирмы TTA tourism. Рядом с Хасаном стоял, одетый в белую рубашку и черные брюки, секьюрити отеля GRAND STAR, о чем свидетельствовал бейджик, прикрепленный к его нагрудному кармашку. Вид у обоих был крайне официальный.

«Вот гнида! – мысленно усмехнулся Пругов. – Сдал-таки, мусульманская рожа! Зря я к нему обращался с конфиденциальной просьбой сегодня утром. Впрочем, кто знает? Может, утверждение «все, что происходит – все к лучшему» подтвердится на деле?..»

Хасан шепнул охраннику, тот отвел Мустафу в сторону и что-то ему сказал по-турецки. Мустафа исчез за стойкой.

– Разрешите составить вам компанию? – учтиво спросил Хасан у Пругова, даже не взглянув на его спутницу. Все-таки отношение восточного человека к женскому полу трудно скрыть. Даже Хасану, в чьи обязанности входит постоянное общение с европейцами.

– Ты не возражаешь? – Пругов вопросительно взглянул на Надежду. Она отрицательно мотнула головой, слабо понимая, что происходит, но, предполагая, видимо, что происходит что-то нехорошее. Пругов положил руку поверх ее руки и тихо сказал: – Все нормально, Наденька. Не бойся. – И повернулся к Хасану, заметив, что секьюрити закурил и сел за столик у входа в

ресторан: – Присаживайтесь, уважаемый господин Хасан. Вы здесь случайно?

– Отнюдь, – возразил Хасан, усаживаясь сбоку. – Я искал вас, Андрей. – Его официальный тон неожиданно сменился таинственно-доверительным.

– Вот как? Зачем?

– Чтобы обсудить некоторые... проблемы. Попробовать их решить.

– У вас проблемы?

– К сожалению, у меня очень много личных проблем, как, впрочем, у каждого мужчины, содержащего семью. Дети подрастают, сами понимаете... Но кроме моих проблем, есть и чужие. Работа у меня беспокойная. То одно, то другое. И я только тем и занимаюсь, что решаю чужие проблемы. Вот и сейчас, я здесь, чтобы решить *ваши* проблемы.

– Мои проблемы? – Пругов придал своему голосу изумленные интонации, сказал, качнув головой: – У меня нет никаких проблем.

– Но они могут возникнуть, – возразил Хасан и добавил убедительно: – Поверьте, Андрей, они обязательно возникнут, если мы сообща не обсудим возможность их предотвращения.

Пругов едва сдержался, чтобы не расхохотаться Хасану в лицо.

Появился Мустафа с подносом в руках, на котором стояли три стакана со свежесжатым апельсиновым соком и блюдо с фруктами. Подставив подношение на столик, Мустафа моментально испарился, словно его тут и не было.

– Угощайтесь, господа, – тоном радужного хозяина произнес Хасан. – Это небольшой презент. Очень маленький презент. Примите его в качестве частичной компенсации за плохую погоду во время вашей вчерашней прогулки на яхте. Ведь госпожа Шпиль тоже вчера была на этой яхте... вместе с супругом? – Хасан по-прежнему не смотрел на Надежду, но вдруг повернул к ней голову и сказал на отличном английском: – Как вам отдыхается, мэм, на благословенной Аллахом турецкой земле? Нравится ли вам наше гостеприимство? Устраивает ли кухня?

Надежда непонимающе посмотрела на Хасана, перевела взгляд на Пругова, спросила:

– О чем это он? Что ему надо? Он что, принял меня за англичанку? У меня фамилия такая... нерусская.

– Он проверяет, насколько хорошо ты владеешь английским языком, – ответил Пругов, усмехнувшись. – Господин Хасан спросил: нравиться ли тебе в Турции? Но ты можешь не отвечать. Я отвечу за тебя. – Он уже давно понял, чего добивается Хасан, и сказал ему напрямик: – Моя дама совершенно не говорит по-английски. Так что, будем разговаривать, во-первых – по-русски, во-вторых – при ней и, в-третьих – открытым текстом, без всяких там намеков и восточных церемоний. Мы оба прекрасно знаем, какие возможности моих... гипотетических проблем должны обсудить. Ваш помощник, – Пругов кивнул на молчаливого секьюрити, – думаю, хочет того же, чего хотите вы. Денег, конечно. Ведь и у него подрастают дети. Плачу каждому по двести долларов, и вы оставляете нас в покое.

Хасан с задумчивым видом поднес к губам стакан фрэша, сделал маленький глоток и подержал сок во рту, наслаждаясь его вкусом, словно дегустировал хорошее вино.

– Понимаете, Андрей, – вкрадчиво начал он, – я всего лишь представитель компании, обеспечивающей туристам, отдыхающим на побережье Эгейского моря, комфортное времяпровождение. Но в мои обязанности входит не только отслеживание количества и качества предоставляемых администрацией отеля услуг, но и урегулирование всяческих спорных вопросов между отдыхающими. Цель одна – чтобы отдых у людей был полноценным и приятным. Чтобы они отдохали не только телом, но и душой...

– Простите, Хасан, – перебил его Пругов, – я же просил: без церемоний. С тем, что кое у кого из отдыхающих в настоящий момент душа не на месте, я согласен. Что дальше?

– Вы очень верно заметили, Андрей. Душа у господина Шпиля не на месте. Она просто разрывается на части. Господин Шпиль ищет сбежавшую жену, он обратился за помощью к службе безопасности своего отеля, а те, в свою очередь, разослали всем службам безопасности фотографию госпожи Шпиль. Она у господина Латтаха. – Хасан повел рукой в сторону входа. Наконец-то представленный секьюрити осклабился, встал из-за столика, подо-

шел к ним и положил фото перед Пруговым. Пругов внимательно рассмотрел фото, взяв его в руки. Надежда на нем стояла на фоне воды, стекающей по отвесной известковой скале, смотрела в объектив и улыбалась. Она казалась счастливой и вполне довольной. Сердца Пругова легонько коснулась острая иголка ревности. Ничего себе, подумал он, еще по сути ничего не было, а он уже ревнует. Да еще к кому? К ее же собственному мужу!

– А ты здесь неплохо получилась, – сказал он Надежде, попытавшись унять ревность.

По-видимому, она правильно поняла настроение Пругова, сказала, словно оправдывалась:

– Это в Памуккале. Там такая красота... А фотографировала меня моя знакомая. Мы с ней уже здесь познакомились, в Турции... Супружеская пара из Питера.

– Давайте не будем ковыряться в душах, – повернулся Пругов к Хасану. – Лучше будем разговаривать языком цифр. Сколько?

– Андрей, я нахожусь в затруднительном положении или, как это говорится у вас, – между молотом и наковальней. Господин Шпиль...

– Без церемоний, Хасан. Сколько мне вам заплатить, чтобы вы не доложили господину Шпилю о местонахождении его жены? Я прекрасно понимаю, что он выдал аванс и обещал заплатить еще, если вы найдете госпожу Шпиль. Так сколько?

– Две тысячи. Тысячу мне, тысячу господину Латтаху.

– Решено. Две тысячи долларов.

– Евро, – мягко поправил Пругова Хасан и посмотрел на Латтаху, который снова занял место у входа. Секьюрити утвердительно кивнул.

– И вы оставляете нас в покое, – жестко сказал Пругов.

– На одни сутки. Завтра, ровно... – Хасан взглянул на часы, – ровно в шестнадцать сорок, если вы останетесь в отеле GRAND STAR, Латтах сообщит господину Шпилю...

– Вы... – Пругов хотел выругаться, но вовремя сдержался. – Вы, Хасан, производите впечатление человека, который умело решает не только чужие, но и свои личные проблемы. Хорошо, я согласен. Пойдемте... Нет, ждите

здесь. Я вернусь через десять минут, и принесу деньги. Я отдам долларами, но по курсу. Идем, Надюша...

Когда они вышли из рестораника, Надя остановилась и, взглянув ему в глаза, сказала, покачивая головой:

– Нет, я не дешева. Ха! Сутки со мной стоят две тысячи евро. Ты купил меня за две тысячи. Ура!

– Я не тебя покупал, – возразил Пругов с улыбкой. – Я купил время, для того чтобы нам никто не мешал спокойно собрать манатки и уехать отсюда куда-нибудь подальше от Шпиля. А то побьет меня еще!

– Правда? Мы уедем? Ты не отдашь меня ему?

– Я тебя никому не отдам.

Пругов сказал эти слова не для того, чтобы успокоить Надежду. Он окончательно и бесповоротно понял: Надежда – его женщина, и он ее никому и никогда не отдаст. Никакому Шпилю! Тем более Шпилю...

– Так ты – Шпиль? Надежда Шпиль?

– Что, смешно? Это по мужу я – Шпиль. Когда с ним разведусь, верну свою девичью фамилию. Моя девичья фамилия – Апраксина, красивая, правда?

– Правда, – согласился Пругов. – Дворянская, а вернее, боярская. Гораздо красивее, чем какой-то... Шпиль.

– Жаль только ненадолго.

– Что? – не понял Пругов.

– Нендолго я буду Апраксиной. Ведь я выйду за тебя и стану Пруговой. Ты ведь не откажешься дать мне свою фамилию? Не понимаю, когда муж и жена носят разные фамилии.

Надина непосредственность умилила Пругова. Он взял ее за руку:

– Надюш? А ты хорошо подумала? Ты так молода, а мне пятьдесят шестой вовсю шпарит. Что будет лет, скажем, через пять?

– А что будет через пять лет?

– Ты по-прежнему будешь молодой, а мне пойдет седьмой десяток.

– Ну и что?

– Ты все прекрасно понимаешь...

– Естественно! Я все понимаю. Поэтому не задавай дурацких вопросов, Андрюшенька. У нас с тобой все будет хорошо. Не думай о плохом. Верь мне.

– Верю, – грустно, но счастливо

улыбнулся он и подумал: «Что я грею голову? Мне хорошо сейчас, это главное. А что будет через пять лет?.. Что будет, то будет. Может, я надаем ей значительно раньше...»

– Единственное, чего я боюсь, – сказала Надежда, – так это сегодняшней ночи.

– Думаешь, могу не оправдать твоих ожиданий?

Надя задумчиво покачала головой и посмотрела на рыжее солнце, уже коснувшееся морской глади.

– Нет. Я боюсь другого, – ответила чуть слышно.

Они сидели на открытой веранде ресторана, буквально под их ногами плескалось Эгейское море. Пругов и Надежда прощались с морем, потому что завтра чуть свет собирались ехать в Измир. Решить вопрос по телефону Пругову не удалось. Завтра, если получится, они поменяют билеты и улетят в Россию. А если не смогут улететь в тот же день, тогда придется снять номер в гостинице и ожидать вылета в Измире. Остаться в отеле Надя считала опасным, боялась, что сюда заявится разъяренный Шпиль, и тогда не миновать скандала.

– Может, зря ты все так усложняешь? – спросил ее Пругов. – Давай я встречусь с твоим Отелло и поговорю с ним, как мужик с мужиком. Зачем нам куда-то бежать? Мы же не преступники.

– Ты не знаешь его. Он зверь. Он не будет с тобой разговаривать. Он убьет нас обоих.

Пругов решил не спорить, не настаивать, не хвастаться, что он еще кое-чего стоит. Мальчишество.

– Со мной одни растраты, да? – спросила Надя. – Ты отдал этим прохиндеям, Хасану и как его... Латтаху, кучу денег, а еще придется тратиться на временное жилье. И оставшуюся пятидневку не используешь, как хотел.

– Деньги у меня есть, не думай о них. Я отдал наличные, но не все, у меня осталось еще баксов восемьсот. Кроме того, у меня карта, на ней достаточно денег. А когда мы вернемся, я получу гонорар за последнюю книгу. Проживем.

– Я буду работать. Я хочу работать. Муж не разрешал мне работать, нику-

да не выпускал из дома. Даже в магазин, и то... Все делала домработница. Ходила по магазинам, готовила еду. Он мне даже в кухню запрещал входить. Боялся, что я его отравлю. Но где мне яд взять, если я из дому не выходила?

– А если бы нашла яд, отравила бы?

– Отравила. Он из меня рабыню сделал.

– Но почему?

– Потом. Не хочу сейчас, Андрюшенька. Я так счастлива! Сегодня у меня началась новая жизнь, и я хочу говорить только о хорошем. А я прекрасно готовлю, между прочим. Верней, готовила. Раньше, когда была Апраксиной. Знаешь, какие вкусные зразы я умею делать? С грибной подливкой.

– Пока не знаю, но уверен, что они на самом деле вкусные. Когда мы приедем домой, кухня будет в полном твоём распоряжении. И ты приготовишь свое фирменное блюдо сразу, как в ней окажешься. Я уже сто лет не ел домашней пищи.

– Понятно, тебе нужна кухарка. Вот так да! Была затворницей, стану кухаркой. А ты не боишься?

– Чего?

– Что я тебя тоже захочу отравить? – засмеялась Надя.

– Вот этого я совершенно не боюсь.

– Почему?

– Потому что мы будем жить долго и счастливо, деля радости и печали, и умрем в один день! – торжественно сказал Пругов.

– Тебе будет девяносто пять, а мне шестьдесят девять, – подхватила Надежда. – Нет, тебе будет сто пять, а мне семьдесят девять.

– Договорились!

...Надя смотрела на рыжее солнце, осторожно погружающееся в Эгейское море и превращающее воду в расплавленное золото.

– Чего ты боишься? – спросил Пругов. – Ты сказала, что боишься чего-то другого. Чего «другого»? Или кого «другого»? Шпиля?

Надя резко качнула головой и потянулась за сигаретами.

– Я боюсь... – и замолчала.

Пругов не мешал ей, не торопил с ответом. Они закурили.

– Я боюсь... – Надя вдруг решила, махнула рукой: – А, все равно! Лучше

сразу. Лучше сейчас, чтобы ты не подумал, что я... хочу тебе себя подсушить, такую... с изъясном. Лучше, чтобы ты сначала узнал, а потом увидел, что у меня... – Надя положила руку на свой живот, – здесь. Я боюсь, что ты от меня откажешься, когда увидишь.

– И что там? Ты беременна, что ли?

– Нет, что ты! Просто, у меня там...

– Ну что у тебя там?

– Шрамы, – тихо сказала Надя, опустив глаза.

– Фу-у-у! – облегченно выдохнул Пругов. – Ну, ты меня напугала, Надюша. И что такого? Шрамы! Да у меня полно шрамов. После аппендицита шрам, детских несколько. И не только на животе.

– Мужчин шрамы украшают, а женщин уродуют.

– Ты далеко не уродина. К тому же твои шрамы буду видеть только я. Между прочим, часть твоих шрамов, которые у тебя на виске, я уже видел. Они не повергли меня в шок и не вызвали отвращения.

– Это другие шрамы.

– Хорошо, – вздохнул Пругов и решительно встал.

– Куда?

– Осматривать шрамы, естественно.

– Я боюсь...

– Пошли немедленно. Я уже вторые сутки сгораю от нетерпения увидеть твой животик!

– Идем. – Надя смущенно, но счастливо улыбнулась.

Уйти немедленно им не дал Вова Коваленко, грузно плюхнувшийся в кресло рядом с Надеждой, так, что чуть не отломал подлокотники.

– Олегыч! Вот ты где прячешься! В русском ресторане! А чё не в отеле? Там же все схвачено и за все заплачено. Турецко-европейская жрачка задолбала, да? Пельменей захотелось? Я сюда тоже пельмешков отведать пришел... Представь меня барышне. Чё сидишь, как мумиё? Али не рад моему появлению?

– Знакомься, Надя. Это Владимир Коваленко, мой сосед по этажу.

– Надя? Русская? Твоя землячка, небось?

«А ведь я даже не знаю, в каком городе она живет», – подумал Пругов.

– Да, мы с Андрюшей живем в одном городе, – улыбнулась Надя и по-

смотрела на Пругова, словно ждала его поддержки.

– Более того, – поддержал он ее, – в одном доме. Под одной крышей, так сказать.

– А здесь встретились совершенно случайно, ага? – весело спросил Вован. – Бывает. Выпьем водочки, а, Олегыч?

– Нет, Володя, спасибо. Мы уже собрались уходить, – ответила за Пругова Надежда.

– Понимаю, понимаю. Не дурак. Да, Олегыч! Завтра я планирую в Стамбул махнуть по делам фирмы. Не желаете компанию составить?

Вставшая было Надежда снова опустилась в кресло.

– А вы в котором часу хотите выехать? – заинтересованно спросила она у Коваленко.

– Зови меня Вованом, Надюха. Без церемоний. Путь до Стамбула не близок, больше пятисот верст. Встану пораньше, часов в шесть, и ту-ту. – Вова вытащил из кармана ключ от автомобиля. – О! «Пежо» взял напрокат. А то, махнем, Олегыч? Ты ж в Стамбуле не бывал. А мне в дороге веселее будет. И сменишь за рулем, когда устану. А?

Пругов посмотрел на Надежду и прочел в ее глазах желание ехать в Стамбул.

– И денег с тебя брать не буду, – уговаривал Пругова Вован. – А в Стамбуле базар почище, чем в Измире будет. И товаров в Стамбуле навалом. Я там одного торговца знаю. Не одного, ясное дело, но тот, про которого говорю – считай, друг мой. Правда, ухо с ним остро держать надо. Я привык, и ситуацию контролирую. А чё? Решишь прибараклиться, я помогу. Оденем и обуем и тебя, и Надюху твою. На родину с ног до головы в кожу одетые вернетесь!

– Мы бы прокатились с тобой, Володя... – начал Пругов.

– Так и поехали!

– ...но мы с Надюшей решили завтра в аэропорту Измира билеты обменять и улететь первым же рейсом. Дела неотложные возникли.

– Говно вопрос! Улетите из Стамбула. В Стамбульском аэропорту билеты поменяете. Жалко, обратно мне придется одному ехать. Но хоть в один конец вместе. Ну, чё?

– А поехали! – весело согласился Пругов.

– А молодец! – обрадовался Вован.
– За это надо водочки жхнуть.

– Завтра за руль, – напомнил Пругов.

– А мы по чуть-чуть.

– Я буду коньяк! – Надя была довольна решением Пругова ехать.

– Выключи ночник, – тихо попросила Надежда, выйдя из душа и нерешительно остановившись на пороге комнаты. Белое банное полотенце, которым она опоясалась, пропустив его под мышками, так сексуально подчеркивало ее формы, что Пругов почувствовал, что у него отвисает челюсть.

– Э-э-э... М-м-м... – невнятно замычал он, помахивая рукой в воздухе и пошевеливая пальцами, предлагая Надежде этим жестом то ли сбросить полотенце, то ли постоять так еще немного, дать ему вволю налюбоваться зрелищем.

– Выключи, пожалуйста, – повторила она еще тише.

– Ну, начинается! – капризно пожаловался на судьбу Пругов, но ночник послушно выключил.

Надя подошла к кровати и осторожно присела на край.

– Я боюсь, – прошептала она.

– Ты говорила, что ты жуткая трусиха, но еще ты говорила, что со мной тебе «ни на чуточку» не страшно. – Пругов осторожно вытащил завернутые концы полотенца у нее из-под мышек и, скинув его на пол, прижал трепещущую Надежду к себе. «Какая она мягкая и теплая», – подумал он.

– Я боюсь, что покажусь тебе холодной.

– Ты горячая. Мне даже кажется, что у тебя жар.

– Это из-за того, что я стояла под горячим душем. В ресторане я чуть-чуть замерзла и хотела согреться.

Пругов, обхватив Надю со спины, ласкал ее грудь и покрывал поцелуями шею и плечи.

– Постой. – Она попыталась высвободиться. – Я хочу сказать. Прежде чем я стану твоей, я хочу объяснить, оправдаться. Понимаешь, все эти годы с мужем я делала *это* по обязанности. Надо – и все. Я так говорила себе, я настраивала себя на то, что надо потерпеть, и скоро все закончится. Я не получала удовольствия и не стремилась

его получить. И теперь я боюсь. Боюсь, что я себя испортила, что я не смогу так, как нужно. Что я... Господи, что я говорю?..

Надежда повернулась к Пругову, и они оба потеряли голову.

Страхи Надежды оказались напрасными. Страсть и желание победили комплексы. И не только Надины комплексы, Пругов начисто забыл о собственных сомнениях в мужской состоятельности, которые хоть и крайне редко, но все-таки иногда закрадывались в душу. Такие сомнения есть у каждого мужчины, прочно шагнувшего в шестой десяток. Теперь Пругов не думал о сомнениях, они просто перестали существовать. Он любил свою Надежду страстно, с сумасшедшим неистовством, и она отвечала ему той же страстью и тем же неистовством. Они не могли оторваться друг от друга даже для того, чтобы хоть немного отдохнуть. Они были двумя элементарными частицами, которые существовали где-то и как-то, гуляли по свету, летали в вакууме, подчиняясь закону броуновского движения, и даже не подозревали о существовании друг друга. Но вот они встретились, их неотвратимо потянуло друг к другу, и они слились в единое целое. И не было сил, способных разорвать эту связь.

Но забрезжил рассвет. Начиналось утро следующего дня. Нужно было подниматься.

– От этого умирают. – Надежда в изнеможении откинулась на подушку и сказала ласково: – Прикури мне сигарету, Андрюшенька. Покурим – и будем собираться в дорогу.

– Я не могу, – ответил Пругов, – я умер.

– Ты не можешь умереть, ведь я жива. Ты забыл? Мы умрем в один день.

– Ты тоже умерла, только ты об этом не знаешь.

– Да, ты прав, я умерла. Ха! А вот и нет, умерла не я! Умерла та, что была до тебя. Теперь я – другая.

– И я другой. Мне никогда не было так хорошо, как этой ночью.

– И мне.

– Нет, – вздохнул он, – встать сейчас – выше моих сил.

И он снова стал покрывать Надино тело поцелуями. Неясный свет освещал их ложе и ту, которая была для него дорожкой всего на свете.

Он увидел шрамы на ее животе. Шрамы пересекались в одной точке, чуть выше пупка, и создавали какой-то странный узор в виде звезды. Или скорее в виде распластанного осьминога, присосавшегося щупальцами к животу.

– О боже! – прошептал он.

– Ну вот, теперь ты увидел. Противно?

– Что это? Как это случилось?

– Это он сделал.

– Шпиль?!!

– Да. Я сбежала от него, но он меня разыскал и привез домой. Потом привязал меня к кровати и насильничал. Долго. Жестоко. Как шлюху. Мне было очень больно. И страшно. А потом он взял перочинный ножичек и исполосовал мне живот. Сказал, еще хоть раз попытаюсь сбежать, он так же изрисует мое лицо. А потом передумал и сказал, что не будет резать мне лицо, а просто убьет... Вот такая история. Дай мне сигарету, Андрюша.

Пругов прикурил две сигареты одновременно, одну протянул Наде.

– Он порезал только кожу, – продолжила она свой рассказ, глубоко затянувшись, – но, наверное, мой организм не хотел мириться с унижением. Порезы загноились и долго не могли зажить. Я могла умереть. От заражения крови или еще от чего-нибудь, не знаю. У меня был жар, временами я теряла сознание, а иногда мне чудился ад. Нет, ад был наяву... Он не повез меня в больницу, позвал знакомого врача, и тот лечил меня на дому. У этого врача было страшное лицо. Он больше был похож на бандита, чем на врача. Я не хотела лечиться, я вообще жить не хотела. А потом... потом все прошло. Порезы зарубцевались и превратились в эти уродливые шрамы. Но боль прошла только здесь, – она провела рукой по животу, – а здесь, – Надя дотронулась до груди, – появилась. И вместе с болью пришло отчаянье. Лучше бы была только боль. Отчаянье хуже боли. Я поняла, что мне не убежать от него, да и бежать некуда. Стала жить, как рабыня. Смирилась, наверное. Попробовала читать от нечего делать. И увлеклась. А потом мне попала в руки твоя книга. Дальше ты знаешь...

Пругов молча слушал Надежду и смотрел в серый прямоугольник окна.

– Давай останемся, – сказал он. – Я найду твоего мужа и набью ему морду. Таких мразей, как этот Шпиль, надо наказывать.

– Нет. Лучше давай уедем. Я хочу все забыть. С тобой я быстро все забуду. Ты не пожалейшь, что я у тебя теперь есть. Уедем...

Пругов вдавил догоревшую до фильтра сигарету в стеклянную пепельницу и посмотрел на часы.

– Четыре часа утра, – сказал он, – до шести еще два часа. Давай, ты спишь хоть часик-полтора?

– Не могу. Мне же себя в порядок привести надо. Я краситься только полчаса буду.

– Не красься. Ты и так в полном порядке.

– Не могу. Что я, в Стамбул не накрашенная поеду?

– По дороге накрашись. Спи. Я разбужу тебя в полшестого.

– А ты?

– Я тоже.

Пругов поставил будильник мобильного телефона на пять двадцать и укрыл Надю простыней.

– Андрюш?

– Что?

– Ты не разлюбил меня... из-за этих шрамов?

– А я вообще не говорил, что люблю тебя.

– Скажи сейчас.

– Эти слова еще надо заслужить, – строго, сказал Пругов, но строго напыщенно, так, чтобы Надя поняла, что он шутит. – Если будешь меня слушаться, скажу, когда проснешься. Спи, кому говорю!

Надя улыбнулась и подвинулась на край, освобождая ему место. Кровать была хоть и широкая, полутораспальная, но все же узковата для двоих. Пругов лег рядом, и Надя положила голову ему на плечо. Уснула она практически мгновенно. А Пругов сразу уснуть не смог. Он лежал с закрытыми глазами и думал, а рядом тихо посапывала женщина, которую он любил.

Еще какие-то два дня назад его не волновало ничего, кроме переживаний по поводу внезапной потери вдохновения и мыслей о своей дальнейшей писательской судьбе. Он даже не подозревал, что способен вдруг ни с того, ни с сего так страстно и нежно полю-

бить. Ему вообще казалось, что в его покрытой морозным инеем душе нет места глубоким чувствам. Все эти чувства ушли, когда от него ушла Станислава и забрала с собой Серегу. Он стал черствым и малоэмоциональным человеком.

– У тебя будут проблемы? – спросила Станислава.

– О чем ты говоришь? Какие проблемы? Напротив – ты решила все мои проблемы. Мне не надо постоянно думать, чем кормить тебя и сына. Ты молодец, Стася. Ты избавляешь меня от стольких забот.

– Я не об этих проблемах. Я уезжаю в Америку. У тебя могут возникнуть проблемы на работе.

– Где? В булочной, где я разгружаю хлебовозки по ночам? Или на кинокопировальной фабрике, на которой я оформлен уборщиком-охранником?

– Я о Союзе писателей. Ведь там в руководстве сплошные коммунисты.

– Славно! Ты никогда не интересовалась моим творчеством, это понятно. Но я даже предположить не мог, что ты не знаешь, что я не имею никакого отношения к названной тобою организации, я не член Союза писателей. Я грузчик, охранник и уборщик.

– Ты сам виноват. У тебя была хорошая работа и неплохие перспективы, но ты решил стать великим писателем.

– Да, ты совершенно права, я виноват. Прости.

– И ты меня прости.

– Уже простил. Только обещаю тебе, что Сереге там будет хорошо.

– В этом можешь не сомневаться.

Стася сдержала слово. Их сыну в Америке было хорошо. Ее новый муж, Джон Ставр (как выяснилось, по-настоящему его звали Иваном Ставридкиным) позаботился о Серегинем образовании, да и Станислава научилась зарабатывать деньги. Выучившись на менеджера, Сергей стал младшим партнером фирмы Джона «Ставр и сын», и они вместе со своим отчимом стали торговать какими-то информационными технологиями. Серега называл отчима Джоном, а Джон Серегу сыном.

Пругов дважды бывал в Америке. Первый раз в конце девяносто девятого, накануне миллениума, сразу, как у него появилась материальная возможность слетать за океан. Серегу он не

застал. Сын, как назло, в день прилета отца укатил с Джоном по делам фирмы в Европу. Пругов подозревал, что это происки его мамы. Наверное, Станислава опасалась, что Пругов станет агитировать Серегу вернуться в Россию. Глупая, любому дураку понятно – благополучную Америку не каждый решится поменять на нищую и неспокойную страну, будущее которой туманно и непредсказуемо. Даже если эта страна – его родина. Подавляющее большинство русских евреев уезжали из России в Израиль на свою историческую родину вовсе не из чувства патриотизма, ехали, потому что знали – там им будет намного лучше в финансовом плане и несравненно спокойней в плане душевном. И Серега бы не уехал, как бы его Пругов ни уговаривал.

Так или иначе, сына он тогда так и не увидел. Хотел дождаться, но Серега позвонил и сказал, что вынужден задержаться надолго, а деньги у Пругова очень быстро закончились, просить в долг у бывшей жены гордый российский писатель не стал. Во время своего американского общения со Станиславой Пругов понял, насколько она стала чужой. Она и раньше, особенно в течение двух последних лет их совместной жизни, стремительно отдалялась от него, чему способствовало твердое решение Пругова стать писателем и, как следствие – безденежье и подработки в ночные смены.

– Ты все-таки стал известным писателем. Даже в Америке твои романы переводятся и издаются. Поздравляю, – сказала она, впрочем, без какой-либо радости и гордости за него, а все с той же насмешкой и пренебрежением.

– Расскажи мне о Сереге. Как он?

– Нормально.

– А чуть подробней.

– Зачем тебе?

– А о чем нам с тобой разговаривать, как не о нашем сыне?

– Сергей – мой сын.

– Но и мой тоже!

– Ты отказался от него, – возразила Станислава и нервно пожала плечами.

«Эх, Стася, Стася! – думал Пругов, глядя на нее. – Зачем же так больно и так несправедливо? Зачем ты делаешь из меня морального урода или вообще – не пойми кого? Ведь ты же знаешь: все было совсем не так. Совершенно

не так! Ведь ты сама просила меня расстаться мирно, уговаривала, чтобы я не валял дурака, убеждала, что Сереге там будет лучше, что он сам хочет остаться с тобой, верней, не остаться, а уехать. С тобой. Я молчал, понимая, что ты абсолютно права. Ведь я видел, что Серега действительно хочет уехать вместе с тобой, что он ближе к тебе, чем ко мне, и что он уже сделал выбор... Все правильно. Так обычно и бывает – сын, когда ему всего девять лет, ближе к матери, чем к отцу. Иногда бывает иначе, но это более касается теории, нежели реальности. Я ругал себя, что так отдалился от вас, от Сереги. Возможно, не будь я таким твердолобым, наплюй я на свой писательский зуд, отдай я всего себя семье, я бы смог прервать наш с Серегой духовный разрыв, притянуть его к себе. Но этого я не сделал. Я осознавал свою вину да и сейчас осознаю ее не меньше, чем тогда, двадцать лет назад. Тогда я молчал и молчанием подтверждал свое согласие на отказ от сына...

А потом мы оформили отказ юридически. Я всё подписал, все бумажки. Оставаясь внешне совершенно спокойным, я чуть не умер тогда. А сейчас ты так просто сказала: ты отказался от него. И пожала плечами. Ну да, все правильно. Откуда ты можешь знать, что творилось в моей душе, когда я подписывал этот проклятый документ?»

Так он думал, но сказал другое. Просительно сказал:

– Расскажи... пожалуйста.

Наверное, Станислава поняла, что переборщила. И стала рассказывать Пругову о сыне. Сначала скупое и без подробностей, потом увлеклась и принялась рассказывать все. О том, как быстро Серега освоил английский язык, о том, как он прекрасно учился в колледже, о его друзьях и увлечениях, о его подружке, которая почему-то не спешит официально оформить их с Серегой взаимоотношения. О том, какой он хороший бизнесмен, что у него получается все, за что бы он ни брался.

Станислава была прекрасна в эти минуты, как и любая женщина, рассказывающая о сыне, особенно если есть чем похвастаться. Стася так увлеклась, что забыла, кто перед ней. Но вдруг вспомнила. И замолчала, оборвав свой рассказ на полуслове.

Вторую попытку встретиться с сыном

Пругов совершил этой весной, через две недели после похорон отца, Серегиного деда.

Они сидели в кафе вдвоем. Сергей говорил по-русски, но с заметным акцентом. Все-таки из двадцати восьми с лишним лет почти двадцать он прожил в Америке. Он мало рассказывал о себе, только основные факты своей жизни пока ещё не слишком большой биографии. Эти факты Пругов уже знал, их ему сообщила Станислава шесть с лишним лет назад. Из последних событий Серега рассказал лишь то, что Джон собирается вскоре сложить с себя полномочия генерального директора фирмы «Ставр и сын» и возложить их на него. И тогда у него времени свободного не станет вообще. И выразительно взглянул на часы. Потом попросил Пругова рассказать о себе. Только для того, чтобы разговор продолжился. Пругов стал говорить о своей жизни и вдруг понял, что рассказывать-то особенно и нечего. Ну, писал, изредка выезжал куда-нибудь – по стране или за границу – потом возвращался и снова садился за компьютер. Серега слушал, усиленно демонстрируя, что ему это интересно, а сам, наверное, думал о чем-то другом. А потом вдруг сказал:

– Извини, папа, я не смогу тебя проводить в гостиницу. Прямо сейчас должна прийти Кити. Мы летим на Кубу.

– Конечно, я понимаю, сынок. – Пругов сделал вид, что все нормально и он совершенно не обиделся. – По делу или отдохнуть?

– И то и другое. Будем совмещать полезное с приятным. Кажется, это так говорится? Прости, я стал забывать некоторые выражения и обороты русской речи.

– Кити – это твоя девушка?

– Мы решили по возвращении с Кубы заключить контракт.

– Прости, не понял...

– Мы решили узаконить наши отношения. Кити должна родить в конце октября.

– То есть ты хочешь сказать, что в октябре я стану дедом?

Сергей как-то странно на него посмотрел и промолчал.

Кити пришла через минуту. Будущая невестка Пругову не понравилась.

Он вернулся в Россию усталым, больным и совершенно опустошенным. Только теперь он совершенно четко

осознал: он один, и так, одному, ему придется прожить до самой смерти. В октябре у него родится внук. Или внучка. Ну и что? Он все равно один. Поехать в Америку? Зачем? Кому он там нужен? Съездить, посмотреть на потомка? И снова вернуться, чтобы еще острее ощутить одиночество.

До встречи с сыном Пругов жил один и ничего не хотел менять в своей жизни, он привык так – без любви, но и без лишних проблем. Ему нравилось жить одному. Ему нравилось, что никто не нарушает его покой, не мешает ему работать и не лезет в душу с ненужными вопросами и расспросами. Женщины были, а как без них совсем? Ведь он мужчина. С некоторыми ему было интересно разговаривать о себе и о своих книгах, с некоторыми – о всяких пустяках. С некоторыми он вообще практически не разговаривал. Женщины появлялись и исчезали незаметно и безболезненно. Как правило, они первыми принимали решение расстаться. И уходили. И становились прошлым. Пругов не удерживал их. Он погружался в работу, а когда на горизонте появлялась очередная поклонница его таланта, он не задумывался над вопросом – а может это любовь?..

Наталья... Она стала для Пругова привычкой, вредной привычкой, с которой уже давно следовало покончить. Наталья приходила к нему, навешав мужу на уши порцию разваренной лапши, и Пругов, вздохнув, выключал компьютер и занимался с ней любовью, словно исполнял за Наташкиного мужа его обязанности. И в этом не было ничего возвышенного. Была привычка и привычный оргазм. Женщины не оставляли следа в душе Пругова. Но ведь и они сами вряд ли помнили Пругова всю свою жизнь.

Мысли о бесплодности и бессмысленности одиночества иногда возникали, но он отгонял их, как назойливых мух. Ну, что ж? Один – так один. Что же делать! Такая судьба. Человек не в силах изменить ее.

И продолжал жить.

Он писал романы и проживал жизни своих героев. Реальные чужие жизни Пругова не волновали. Впрочем, как и своя собственная.

Осознание того, что жизнь прошла мимо, пришло к Пругову в уютном американском ресторане. Напротив него

сидел его сын, такой родной и вместе с тем такой чужой, а рядом с ним сидела совсем уж чужая американская женщина, большеротая и холодноглазая и совершенно не понимающая ни русской речи, ни тем более его, Пругова, мыслей и чувств. Серега и Кити улетали на Кубу. Они очень торопились и не могли проводить отца и будущего свёкра в аэропорт.

Немного оклемавшись в России, приказав себе не думать о сыне и о своем одиночестве, Пругов взялся за очередной роман. Обычно писал он быстро и никогда не вычитывал написанное, предоставляя это делать редакторам и вносить правки самостоятельно. На этот раз дело не спорилось. Сюжет у него вышел так себе, без изюминки, а герои получились бракованными клонами персонажей его прежних произведений. Каждая фраза – шаблон. Он писал и переписывал заново, а получалось все хуже и хуже. Когда через три месяца Пругов нес рукопись в издательство, он понимал, что несет абсолютно нечитабельное барахло. Редактор молчал долго, ответил только через две недели.

– Андрюха! Ты что мне принес? Ты это сам писал?

– Так плохо?

– Не то слово! Если бы на титуле не значилось «Андрей Костров», то скорей всего, я твою рукопись, прочтя пару глав, выбросил бы в корзину для бумаг.

– Выбрасывай, – зло сказал Пругов.

Редактор посопел в трубку и спросил осторожно:

– Может, это так... временный, так сказать, упадок творческой энергии?

– Говори прямо – исписался, старый хрен.

– Я так не думаю, – бодро возразил редактор. – Ты просто устал. За прошлый год в свет вышло три твоих романа. Все стали бестселлерами. Как, впрочем, и прежние двадцать девять. Просто ты устал, – повторил он. – Может, тебе съездить куда-нибудь? Отдохнул бы...

Я уже съездил, хотел сказать Пругов. И отдохнул...

– А эту рукопись я слегка подчищу, отшлифую и запущу в работу, – пообещал редактор. – Думаю, пролезет...

– Спасибо, – мрачно поблагодарил редактора Пругов. Слово «пролезет» добило его окончательно.

«Нет, надо что-то делать! – подумал он. – Менять жанр? Кардинально? Писать психологическую прозу? О жизни. А о какой жизни? О той, что прошла мимо?..»

Пришла Наташка, и он на время отвлекся от тяжелых мыслей.

– Хочу отдохнуть, – сказала она, отстранившись. – Ужас, как устала.

– От чего?

– От жизни.

– Так умри, – серьезно посоветовал Пругов. – Могу подсказать с десятков способов.

– Не-а, – сказала Наталья, вставая с кровати, и уже из душа жизнерадостно крикнула, перед тем как включить воду: – Поживу еще!

Пругов закурил, встал и подошел к компьютеру. Создав новый вордовский файл, написал: «Поживу еще» и поставил многоточие вместо восклицательного знака, который он услышал в Натальиной фразе.

Когда Наталья вышла из душа, он, даже не взглянув на нее, потому что привык, как к жене, спросил:

– Далеко собралась?

– Домой побегу. Славик этой ночью из командировки прилетит. Я его дома должна ждать. Как и положено верной жене.

– Я хотел поинтересоваться, где ты отдохнуть решила, верная жена?

– Не поверишь, в Таиланд хочу. Мы туда со Славиком на прошлый Новый год ездили. Еще хочу. Поедешь со мной?

– И со Славиком?

– Славик не может. У него бизнес. Безостановочный процесс. Он только на Новый год может. У него в январе застой в работе. А я сейчас хочу, невтерпеж. Так что, поедешь? – спросила в надежде, что он откажется.

Пругов не стал разочаровывать любовницу.

– Нет, – он отрицательно покачал головой. – Поезжай одна. Я не любитель восточной экзотики.

– Как хочешь, – пожала плечами Наталья.

«А что я хочу? – подумал Пругов. – Хочу я куда-нибудь уехать? Нет, не хочу. Но поеду. Куда? А какая разница? Хоть в Турцию. А что? Почему бы и не в Турцию? Отдохну, поброжу по античным развалинам, приведу мысли в

порядок, подумаю о смене жанра. ...А то закручу с какой-нибудь отдыхающей роман. Турецкий роман. Быстрый, легкий и жаркий, как турецкая ночь. Глядишь, и депресняк свой излечу»

Пругов молча смотрел, как Наталья одевается, и мечтал лишь о том, чтобы она поскорей ушла. Закрыв за надовешенной любовницей дверь, он вернулся к компьютеру, постоял над ним в задумчивости, сохранил набранный пять минут назад текст и дал название файлу – «Турецкий роман».

На следующий день Пругов купил путевку и через неделю бережно повез в Турцию свое отвратительное настроение.

Надежда всхлипнула во сне. Пругов нежно погладил ее по обнаженному плечу и успокаивающе сказал:

– Тс-с-с. Все хорошо. Я люблю тебя, Наденька.

Надя глубоко вздохнула и успокоилась.

Вот так роман у него получился! Турецкий роман с продолжением. Пругов не понимал, как это могло произойти. Роман романом, но любовь... Да, он полюбил. Глубоко и искренне. Иней, покрывающий душу, растаял и превратился в нежность. Странно. Все было очень странно. С самого первого дня их знакомства. Надежда совершенно не соответствовала представлениям Пругова о женщине, которую он мог полюбить, если теоретически предположить, что он вообще способен на любовь. Вначале он принял ее за этакую блондинку, и совершенно неважно, что волосы у Нади были темно-русыми, она показалась Пругову блондинкой по своей сути. Недалекая и простая, годящаяся только для короткого романа. Тем для умных разговоров не прослеживалось. Пругову было совершенно понятно, что в ее голове если и не совсем пусто, то мысли, которые там имеются, в любом случае ему не интересны. Поматросить и бросить, решил он. Доставить дамочке плотское удовольствие и получить его самому. Реализовать запланированный «Турецкий роман». Однако все получилось не так. Сначала своим непонятным внутренним сопротивлением, потом своей странностью и загадочностью Надежда, специально того не добиваясь, разрушила все его представления о ней. Что-то проснулось

в груди Пругова. И зазвучало. Что-то очень знакомое, но изрядно забытое. Как весенняя капель. Но не та, что вспоминается в зимнюю лютую стужу, а та, которую ты слышал когда-то очень давно, в молодости. В молодости все слышится и видится по-другому. В груди Пругова звучала весенняя капель его молодости. Наверное, это его замерзшая душа оттаивала. А потом он понял, что хочет постоянно видеть Надежду рядом с собой и говорить с ней все равно о чем. Ему было интересно говорить с ней. Ее невежество казалось ему милым, а необычные и неожиданные суждения заставляли задумываться. Узнав Надежду ближе, Пругов стал ее понимать. Странность ее суждений объяснялась легко – той жизнью, которой она жила. Вспомнилось почему-то: «она его за муки полюбила...». Нет, это у Шекспира. А у них наоборот. Не она, а он. Он ее за муки полюбил... Он ее полюбил за муки? Нет. Не за муки. Так все было бы слишком просто. И скучно. И вообще, любовь из сострадания – не любовь. Шекспир – гений, ему можно простить заблуждения. Хотя, вполне возможно, что Шекспир так и не считал, просто слово легло.

Будильник пропел свою утреннюю песню. Пругов нажал «ОК» и посмотрел на Надю; она не слышала песни будильника, безмятежно посапывала. Пругов прикоснулся губами к ее уху. Надя улыбнулась во сне, или ему просто захотелось снова увидеть ее улыбку, и он ее увидел.

«Господи! – подумал он. – Я счастлив. Я люблю. Я действительно люблю, и мне даже кажется, что это в первый раз. Все, что было раньше, – ничего не значит. Мне впервые так хорошо. Впервые за много лет?.. Нет, мне так хорошо впервые!»

Они проспали.

Пругов проснулся от того, что Надя трясла его за плечо.

– Андрюша, Андрюша... Андрей! Ну, просыпайся же! Пругов!

– Ну зачем? – капризно отозвался он, нехотя выбираясь из паутины сна. – Зачем ты меня разбудила? Я смотрел такой сон. Там была ты...

– Пругов, мы проспали.

– Почему?

– Наверное, твой будильник не звонил.

– Почему ты называешь меня Пруговым?

– Хорошо. Костров, мы проспали.

– Почему по фамилии?

– Потому что ты ничего не соображаешь.

– Да? – Пругов попытался уловить связь между своими мыслительными способностями и тем фактом, что Надежда называет его по фамилии, и не смог. – А который час?

– Пять минут девятого!

– Ох! Ни фиги себе! Это ты виновата, а не будильник. Он звонил, но ты меня так ухайдакала этой ночью, что я случайно уснул. Я спал и видел тебя во сне. Ты была такая... такая...

– Андрюшенька, мы проспали, мы опоздали. Вова Коваленко уехал без нас.

– Не думаю. – Пругов сбросил с себя простыню, намереваясь подняться. Надя смущенно отвела глаза в сторону. Он вдруг вспомнил, что обещал ей кое-что сказать и, обняв ее, нежно прошептал на ухо: – Ты – мое счастье! Я люблю тебя до беспамятства! Наденька, будь моей женой. Я сделаю все, чтобы ты была счастлива. Так же счастлива, как счастлив я.

Он чувствовал, что волна его желания превращается в цунами и что нет сил бороться с ней. Бессмысленно бороться с цунами. И такое же страстное желание он прочел в синих глазах любимой. «Я согласна!» – сказала Надя и впилась губами в его губы. Как оказалось, ее цунами было ничуть не слабее, чем его. Они обрели способность мыслить только минут через двадцать.

– Теперь мы точно опоздали, – со сладким вздохом сказала Надя.

– У нас впереди целая жизнь. Не стоит так торопиться. А Володя вряд ли куда-то уехал. Небось, дрыхнет, как сурок. Вчера он выпил вовсе не чуть-чуть, и когда мы с тобой ушли он еще продолжал свой банкет. По-моему, с французами. Боюсь, что нам его еще придется будить. И за руль наверняка мне первому надо будет садиться.

Пока Надя принимала душ, Пругов постучал в Володину дверь.

– О, блин, Олегыч! А сколько времени? – Володя стоял в приоткрытой двери. Он был в трусах, лицо его было помятым, а на щеке отпечаталась складка от подушки. Выхлоп сбивал с ног.

Пругов машинально сделал шаг назад и посмотрел на часы.

– Восемь тридцать.

– Да ты че?! А все эти лягушатники со своей кислятиной! Пил бы водку, ни хрена бы не было. – Вова рыгнул и почесал волосатый живот, сказал задумчиво: – Изжога еще...

– Так мы едем?

– А то! Щас рожу водичкой смочу – и вперед. Позавтракаем где-нибудь по дороге. Я в районе Гюзельчамлы одну забегаловку знаю классную.

– Если я не ошибаюсь, Гюзельчамлы в другой стороне. Нам не по пути.

– Да? – Вова был немного озадачен, но только самую малость. – Это все от вина. Долбаные французики! «Бордо», блин, «бордо»... Бормотуха кислая это «бордо»! Ну, ничего, что Гюзель эта не по пути, в Турции везде классные забегаловки. Пива хочешь, Олегыч? – Откуда ни возьмись, в руках Володи появилась жестяная банка пива.

– Нет, и тебе не рекомендую.

– Безалкогольное.

– Нет, спасибо.

– Тогда, через десять минут у ресепшена. О кей?

– О кей.

По обеим сторонам выезда из отеля стояли две пальмы, толстые и чешуйчатые, похожие на два гигантских ананаса. У одного ананаса стояли и о чем-то оживленно разговаривали двое. Надя вздрогнула и вжалась в сиденье, съехала по нему вниз. Одним из беседующих был господин Латтах, а вторым Шпиль. Шпиль нервно курил, а секьюрити, разглядев через лобовое стекло «Пежо» того, кто сидел за рулем и ту, которая находилась рядом с водителем, отвел глаза в сторону. Пругову очень хотелось остановиться и решить с Надиным мужем все вопросы. Прямо здесь, на месте. Но, заметив, как побледнела его любимая, проехал мимо. Вова Коваленко громко храпел на заднем сиденье арендованного им автомобиля. Судя по всему, до завтрака просыпаться он не собирался.

– Подводной лодке «Надежда» разрешается всплытие, – шутливо сказал Пругов, отъехав на приличное расстояние. Изредка он бросал взгляд в зеркало заднего вида, наблюдая за уменьшающимися в размерах собеседниками – меркантильным секьюрити Латтахом и обманутым мужем Шпилем. – Вылезай, они не заметили.

– Нет, я видела. Охранник этот, как там его... он нас засек. И расскажет ему – Шпилю. Господи! Андрюшенька, я боюсь! Езжай быстрее, пожалуйста.

– Здесь нельзя быстро. Выедем с территории курортного городка, поеду быстрее. С максимально разрешенной скоростью.

Они выехали на трассу и смешались с потоком разномастных автомобилей. Надя немного успокоилась, и все же ее пальцы дрожали, когда она закурила.

– Курить натошак вредно, – назидательно сказал Пругов.

– Я думала, что ты писатель, а ты оказывается врач, – отшутилась она, но, по-видимому, эта шутка ей самой показалась обидной. Надя виновато посмотрела Пругову в глаза и сказала: – Извини, Андрюшенька. Сама понимаю, что вредно. Но мне сейчас надо. Я боюсь, понимаешь. Нет, я не его боюсь... Ты не представляешь себе, как я боюсь потерять то, чего ждала всю жизнь.

– Я понимаю, – сказал Пругов, – что вопрос, который я хочу тебе задать, бестактен. Но мне кажется, я должен знать. Скажи, как так получилось, что ты стала женой этого... не могу подобрать более мягкого эпитета – этого морального уродца? Нет, если не хочешь, можешь не рассказывать, – отступил он, заметив, что Надя вдруг помрачнела. Она смотрела чуть вбок на быстро мелькающие серые пыльные оливы, растущие сплошной полосой вдоль дороги, и молчала. Пругов не мог увидеть ее глаз, но подозревал, что они стали серыми и мертвыми. Как тогда, в бухте. И как тогда, Надя тряхнула головой, очнувшись от наваждения. Она, следуя российской натуре, выкинула окурок в окошко и, не поворачивая головы, словно боялась встретиться с ним взглядом, сказала:

– Ты прав. Я должна тебе рассказать. Ты имеешь право знать... Я была Апраксиной и собиралась выйти замуж. Не за Шпиля, я тогда даже не подозревала о его существовании. Мы с Никитой, так звали моего жениха, ехали к его родителям, чтобы познакомиться. Они жили в деревне... родители Никиты... Я была беременна, Андрюша. Еще ничего не было заметно, но во мне жил человечек. Маленький такой человечек, я чувствовала, что он во мне...

Потом мне сказали, у меня должен был родиться сын. – Надя повернулась к Пругову, в ее глазах стояли слезы. – У Никиты был старенький автомобиль. «Таврия». Он его постоянно ремонтировал, а он все ломался и ломался... У Никиты не было денег на новую машину, он работал инженером в институте. Откуда у инженера деньги? Я говорила Никите, давай поедем на автобусе. Недалеко ведь, каких-то полтора часа... Колесо лопнуло. Мы не очень быстро ехали, а оно лопнуло, и нас бросило в сторону. А по встречной полосе ехал «Мерседес». Это Шпиль на нем ехал...

Надя стала рыться в сумочке, пытается найти сигареты, но не могла, пачка сигарет и зажигалка лежали на полочке, а она искала их в своей сумке. В сердцах она вытряхнула содержимое сумки себе на колени. Все попадало на пол – массажная щетка, косметичка, какая-то мелочь. Пругов взял с полки пачку и протянул Надежде.

– Спасибо. – Она не стала собирать рассыпавшиеся вещи, бросила сумку в ноги и закурила.

– Вы столкнулись...

– Да. Я ничего не помню. Потеряла сознание. Очнулась в реанимации. Мне сказали, что Никита погиб. Он не сразу умер. Его привезли в больницу и там... И еще мне сказали, что у меня был выкидыш. Мальчик... А потом меня перевели в палату и маме разрешили ко мне прийти. Мы с мамой жили вдвоем, отца своего я не знала никогда. Даже отчество у меня от деда, от маминого папы... С мамой пришел он, Шпиль. С цветами и фруктами. Как только он объяснил мне, кто он такой, я его сразу выгнала, послала к черту. И сказала, чтобы передачку свою забрал. Мама расстроилась. Оказывается, Шпиль сразу узнал, кто я и что я, где живу, с кем. Он к маме пришел. Денег принес, хоть и вины его в этой аварии не было. Это я была во всем виновата, что не уговорила Никиту ехать на автобусе.

Надя сожгла сигарету в несколько затяжек и снова выкинула окурочек в окно. И замолчала, закрыв глаза и откинув голову на подголовник сиденья. Пругов тоже молчал. Он ждал продолжения рассказа, так как понимал, что раз уж Надежда решила высказаться, она обязательно выскажется. Он не торопил ее с рассказом, но и останавливать не собирался. Хирурги говорят:

чтобы *потом* было хорошо, *сейчас* надо сделать больно.

Вован мирно чмокал во сне на заднем сидении. Наверное, ему снилось что-то хорошее и доброе. Или вкусное.

– Я выписалась через десять дней, – продолжила Надежда. – Никиту уже, естественно, похоронили. Я поехала на кладбище в ту деревню, где жили Никитины родители. Они сказали, что их сын погиб из-за меня. Я уехала. А вскоре заболела мама, у нее обнаружили рак. Нужно было много денег, чтобы маму лечить. У нас же бесплатная медицина, ты знаешь... Учебу в институте я бросила, устроилась в кафе рядом с домом, мыла посуду. Дворником в нашем ЖЭУ работала на полставки. И так подрабатывала, где придется. Шпиль приходил регулярно. Он был таким заботливым. Носил цветы, конфеты, деньги предлагал. Я от всего отказывалась. Но мама мне все это время на мозги капала. Хороший человек, говорила, этот Шпиль. Ни в чем не виноват, а видишь, как заботится? Наверное, он в тебя влюбился. Нет, мама, отвечала я, он такой заботливый, потому что убил Никиту и нашего с Никитой сына. Но ведь было расследование, говорила мама, экспертизы разные. Не виноват Шпиль в аварии. Несчастный случай. А я не хотела соглашаться. Мы с мамой все время спорили, а ей становилось все хуже и хуже. Умирая, мама сказала: если Шпиль сделает тебе предложение, не отказывайся. Я знаю, говорила мама, он тебя любит, и тебе будет хорошо. Во всяком случае, не придется полы в подъездах мыть всю жизнь и объедки из кафе домой таскать. Обещай мне, просила мама, что выйдешь за Шпиля. Я пообещала, чтобы ее успокоить и мама умерла, уверенная, что свое обещание я выполню. Я никогда не обманывала маму, ни разу в жизни. Но на этот раз... я решила ее обмануть. А почти сразу после похорон, которые оплатил Шпиль, я стала сомневаться в своем решении. Может, и права мама, думала я. Не люблю его и, наверное, никого после Никиты полюбить не сумею, но лучше жить с нелюбимым богатым, чем с нелюбимым бедным. А как жить одной, я не знала. Я растерялась от вороха проблем, которые свалились на мою голову. Какое-то время я не работала, в ЖЭК нашли другую. И в кафе нашли. И вообще

работу я найти не могла, специальностито никакой у меня не было. Недоучившаяся студентка строительного института. А за квартиру платить надо было, и питаться чем-то. А Шпиль все приходил. Говорил, что любит меня, что влюбился еще тогда, когда меня из «Таврии» покореженной вытаскивали. И потом он в реанимацию приходил, когда я там в беспамятстве валялась. Врал, наверное... А может, и нет. Может, и сейчас он меня любит... по-своему. В общем, согласилась я, позволила себя купить. Вот и получается, что я продажная... дешевка... Сначала все хорошо было. Думала, стерпится – слюбится. Не стерпелось и не слюбилося. Только хуже стало. Ревности всякие начались, ссоры, скандалы. А потом он из меня рабыню сделал, запретил без него из дома выходить... Ой, что это?

– Придурок какой-то!

Их уже давно пытался обогнать белый БМВ, но по встрече шел довольно плотный поток машин, и у баварца обгон никак не получался. Наконец слева образовался разрыв, БМВ, взревев оборотами, легко обошел «Пежо» и, мигая тормозными огнями, стал снижать скорость. Вдруг он остановился, и Пругов, избегая столкновения, ударил по тормозам, успев крикнуть Наде:

– Держись крепче.

Непристегнутый Вова ткнулся лбом в подголовник переднего сиденья.

– Фигасе! – удивленно сказал он. – Чё это было? Ты чё, Олегыч, опыта вождения не имеешь? Так предупредил бы.

Из белого БМВ вышли трое: два смуглых накачанных парня в белых майках и шортах и Шпиль – собственной персоной.

– Вова, – тихо сказал Пругов, – похоже, сейчас будет драка. Ты как?

– Это чё? Это эти хренопутолы тебя подрезали?

Пругов, не ответив, вышел из машины. Надя сидела – ни жива, ни мертва. Вован, кряхтя, стал выкарабкиваться из «Пежо» следом за Пруговым.

– Надюха, не бойсь. Ща мы с Олегычем этих козлов уроем, – успокаивающе сказал он Надежде. – В чем дело, мужики? – это Вован уже крикнул Шпилю и стоящим по бокам от него качкам.

– Парни, займитесь толстяком, – сказал Шпиль подручным, – а с этим, – он зло кивнул на Пругова, – я лично хочу разобраться.

Ребята послушно двинулись на Вову.

– Э, мужики, стойте! – крикнул Коваленко. – Че так сразу-то? Покалякаем сперва. Не хотите? Тогда все равно погодите. У меня тут для вас сюрприз. – Вова снова сунул голову и руку в раскрытую заднюю дверку «Пежо» и через секунду высунулся. В его руке была бейсбольная бита. – О! Специально для таких, как вы, дорожных гопников прихватил!

Ребята заметно опешили и остановились.

Тем временем Пругов и Шпиль сблизались, неотрывно глядя друг на друга и оценивая силу противника. Пругов еще на яхте определил слабое место Шпиля. Ноги! Руки и плечевой пояс у мужчины были накачаны хорошо, а вот с ногами промашка вышла. Недоработал на тренажерах, или инструктор неправильный попался.

Главное – неожиданность, вспомнил он советы Гриши Иваницкого. И всегда бей первым, не жди, когда бить начнут тебя.

И Пругов впечатал Шпилю в коленный сгиб жестокий лоу-кик. Шпиль хрипло выдохнул острую боль и упал на колено. И тогда Пругов сверху вниз ударил его в голову, вложив в этот удар всю свою силу.

– Это тебе за Наденьку, – сказал он зло.

Драка закончилась так быстро, что Шпиль, наверное, даже не понял, что собственно произошло. Он упал на обочину без признаков жизни. Пругов пощупал сонную артерию. Живой, но надо позвонить куда-нибудь. Вот только куда? Может быть, Вова знает?

А Вовы нигде не было, и крепких смуглых парней в белых одеждах не было. Но вскоре Вовина голова оказалась из-под обрыва.

– Не догнал, – пожаловался он Пругову, пряча биту под заднее сиденье автомобиля. – Быстро бегают, гады. Все, баста – приеду домой, сяду на жесткую диету. Надо вес сбрасывать, тяжело бегать по пересеченной местности. И вообще – тяжело. Я знаешь, сколько тут всякой выпечки сожрал? Понимаю, что вредно для здоровья, а удержаться не могу. Я всегда в Турции килограммов пять набираю. Уж больно вкусная у них выпечка.

– Володя, ты не знаешь случайно,

куда надо позвонить, чтобы скорая помощь приехала? – спросил Пругов.

– О, Олегыч! А ты тут, я смотрю, времени зря не терял. Чем это ты его так?

– Кулаком.

– Да ну? Хорош у тебя кулак! С виду не скажешь.

Надя уже вышла из машины и стояла с широко раскрытыми глазами цвета Эгейского моря.

– Так что насчет скорой помощи? – напомнил Володе Пругов.

– Не надо скорой помощи. Надюх, там в бардачке должна бутылка с минералкой валяться. Дай-ка ее мне.

Вдвоем с Пруговым они подтащили безвольное тело Шпиля к БМВ и прислонили спиной к машине. Надя подала Вова бутылку и он, скрутив крышку, полил водой голову Шпиля. Шпиль открыл глаза.

– Жить будет, – с видом знатока сказал Вова и поставил диагноз: – элементарный ушиб мягких тканей головы. Если бы ты его битой по темечку долбанул, тогда да. А кулаком... Ничего, до свадьбы заживет. Доживет до свадьбы? – Вова склонился над Шпилем. – Ты че, мудоило, законопослушных пацанов подрезаешь? И че это за спринтеров ты себе в охрану нанял? Коли уж решил бандитством на дорогах заняться, команду надо серьезную подбирать. Бегать умеют твои орлы, а драться бздят.

– Я тебя убью, – прошипел Шпиль, – но сначала его.

– Олегыча? Это ты зря, не по-пацански это. Поговорили, отношения выяснили и хорош на этом. Лучше отвянь. Не по зубам он тебе, паря. Олегыч он даже меня запросто уделает. Да и со мной тебе лучше не тягаться... Посиди тут, подумай. А чтобы соблазна догонять не было... Ну-ка, дай мне свой мобильник. – Вова бесцеремонно вытащил телефон из кармана Шпиля и, размахнувшись, бросил его в провал обрыва. Потом пошарил в своем кармане, вытащил складной нож и проткнул им все четыре колеса БМВ.

– Я тебя в России найду и убью, – пообещал Шпиль Пругову на прощанье. – И эту сучку, твою любовницу.

– А может, его того? – озадаченно спросил Вова. – И с обрыва...

– Поехали, – сказал Пругов, усаживаясь за руль.

– Да... – задумчиво протянул Вова. – Что-то есть захотелось. А где мы, кстати? – он покрутил головой. – Ага, узнаю окрестности. Тут скоро сверток будет направо. Там указатель есть. – Вова сообщил название населенного пункта. – Рули туда, через пять километров мотель увидишь, там похаваем. Неплохо, между прочим, готовят. А я вздремлю еще чуток. Когда спишь, не так есть хочется...

И Вова моментально захрапел.

– Давай не будем сворачивать, – попросила Пругова Надежда. – Будем ехать и ехать, без остановок. До самого Стамбула.

– Не бойся, он не станет догонять.

– Я не боюсь. Я знаю, ты защитишь меня. Ты рыцарь, Андрюшенька. Ты – моя мечта, моя сбывшаяся мечта. Просто я хочу скорей в Россию. К тебе. И чтобы нам никто не мешал. И чтобы мы ни от кого не убегали. Я буду любить тебя. Всегда. Всю жизнь. Я рожу тебе сына. Обещаю. Мне кажется, что я уже ношу в себе твоего сына.

– Так не бывает. Ты не можешь это чувствовать после первой ночи.

– Бывает. Еще как бывает. Дети рождаются, когда мужчина и женщина любят друг друга. А мы с тобой любим друг друга. Ты полюбил меня недавно, а я люблю тебя уже давно. Ты даже не представляешь себе, как давно я тебя люблю.

– Почему это не представляю? Ты сама рассказывала, что влюбилась в моего Шатохина пять лет назад, а потом Шатохин оказался мной.

– Да... – задумчиво сказала Надя, – наверное. Пять лет. Но сейчас мне кажется, что я полюбила тебя еще раньше. Кажется, я любила тебя всегда.

– А мне кажется, что я еще не жил, что жить начал только после встречи с тобой.

– И мне! – обрадовалась Надя и захолопала в ладоши. – И мне так кажется. А давай нашу прежнюю жизнь считать сном. Мы спали, и нам снились кошмары. А теперь мы проснулись. Давай, а?

– Давай, – с улыбкой согласился Пругов.

Шоссе мчало их в жизнь...